

ДОБРОЕ УТРО!

2012 год

ИЮЛЬ-АВГУСТ

ВЫПУСК № 7-8 (80-81)

Под общественным контролем

В областном управлении МВД России проведена конференция общественных советов территориальных органов внутренних дел

Представителей общественности, собравшейся 26 июня 2012 г. в зале пресс-центра УМВД России по Калужской области, можно без преувеличения назвать интеллектуальной элитой региона. Более сорока видных деятелей культуры и образования, бизнеса и журналистского сообщества, священнослужителей и правозащитников собрались в стенах полицейского ведомства для того, чтобы познакомиться друг с другом и скоординировать свои действия.

Начальник областного УМВД генерал-майор полиции Олег Торубаров тепло поблагодарил присутствующих за их активную жизненную позицию и личный вклад в позитивное преобразование органов внутренних дел. Он выразил уверенность, что общественные советы на местах будут и в дальнейшем активно осуществлять общественный контроль за полицией, выявлять имеющиеся недостатки и способствовать их устранению.

Отвечая на вопрос председателя областного общественного совета Юрия Кожевникова, Олег Торубаров рассказал присутствующим о ходе расследования нашумевшего ДТП на набережной Яченского водохранилища, в ходе которого серьезно пострадал ребенок. Оживленную дискуссию у членов совета вызвало то, как это происшествие преподносится в социальных сетях, обрастая всевозможными слухами и домыслами. Представители общественности сошлись во мнении, что в данном случае недостаточная правовая грамотность помешала калужанам адекватно оценить проводимые по уголовному делу следственные мероприятия. Поэтому в числе приоритетных задач на будущее общественники определили для себя правовое просвещение населения.

На встрече начальник УМВД вручил всем её участникам новые удостоверения членов общественных советов общероссийского образца.

В дальнейшем представители общественности в режиме диалога обменялись опытом своей работы, рассказали о проводимых акциях, обсудили возможности сотрудничества



в вопросах контроля общества за деятельностью полиции и наметили планы на будущее.



Алексей ГОРЮНОВ.
Фото Елены ЛЕСИК.

Пиво приравняли к водке

МВД России предупреждает

об ответственности за продажу и потребление алкоголя и пива

1 июля 2012 года в силу вступили единые требования к продаже пива, которые были установлены Федеральным законом № 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной продукции».

Статьей 16 данного Федерального закона установлены особые требования к розничной продаже и распитию алкогольной продукции, значительно расширен перечень объектов, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции, включая пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, а также перечень мест, в которых не допускается потребление указанной продукции.

Розничная продажа алкогольной продукции не допускается:

- в детских, образовательных, медицинских организациях, на объектах спорта, на прилегающих к ним территориях;
- в организациях культуры. Исключение составляют места общественного питания, которые предоставляют такую услугу;
- на всех видах общественного транспорта городского и пригородного сообщения, на автозаправочных станциях;
- на оптовых и розничных рынках, на вокзалах, в аэропортах, в иных местах массового скопления граждан и местах нахождения источников повышенной опасности, определенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации;
- несовершеннолетним. В случае возникновения у продавца сомнения в достижении покупателем совершеннолетия, он вправе потребовать у клиента документ, удостоверяющий личность (в том числе документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации) и позволяющий установить возраст покупателя. Установлена административная ответствен-



ность граждан, должностных и юридических лиц за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. На граждан налагается штраф в размере от 3000 до 5000 рублей, на должностных лиц - от 10000 до 20000 рублей, на юридических лиц - от 80000 до 100000 рублей.

При нарушении перечисленных ограничений розничной продажи пива, нарушители будут привлечены к ответственности по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ «Нарушение иных правил розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции». Санкции по данной статье предусмотрены в виде штрафа с конфискацией алкогольной продукции: на должностных лиц от 3000 до 4000 рублей, на юридических лиц - от 30000 до 40000 рублей.

Пресс-служба УМВД России по Калужской области.

ТВОРЧЕСТВО

МАГНИТНОЕ ПОЛЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Первое, что бросается в глаза в нашем общем обозримом прошлом, так это активное вторжение в русскую речь писателей нерусского происхождения. Факт есть факт: диффузия состоялась. Буквально вгрызаясь в недра «живаго великорусского языка», каким его видел Владимир Даль, друг и соратник Александра Пушкина, выходцы из других этносов, населявших некогда великий Советский Союз, привнесли в русскую ментальность живительный стимул, порой напоминающий автохтонным русским, насколько велик и могуч их СОВЕРШЕННЫЙ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ РУССКИЙ ЯЗЫК.

И сегодня наслуху имена тех, кто писал и пишет на русском языке. А притяжение магнитного поля русской культуры сильно настолько, что отшатнувшиеся было от нас по причине развала СССР «товарищи», очухались. И, чуя возрождение великой России, вернулись в лоно русской речи.

Ни для кого не секрет, что большинство ныне известных за рубежом писателей, представляющих ту или иную национальную литературу, ВЫШЛИ К МИРОВОМУ ЧИТАТЕЛЮ ИМЕННО ЧЕРЕЗ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ.

Довелось мне побывать на нескольких вечерах армянской поэзии. Вывод один: переводчик непременно должен соответствовать калибру авторского таланта, если даже переводит с пресловутого подстрочника. Держать палец на пульсе образной мысли - едва ли не самое главное. А подстрочник - суррогат изначальный.

Участие Армении в работе фестиваля «Открывая друг друга», успешно прошедшего в Большом Манеже под патронатом Людмилы Путиной, создателя Центров развития русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья, выявило творческий потенциал республики. Порадовало меня известие о том, что в Цахкадзоре, в доме творчества писателей Армении состоялся круглый стол на тему - «Проблемы сохранения и развития общего гуманитарно-культурного и духовного наследия на постсоветском пространстве», предваривший разговор о расширении переводческих контактов стран СНГ и Балтии. Радует, что пришёл к заинтересованному читателю вкладыш «Литературной газеты», Евразийская муза - живой мост доверия между культурами наших народов. И уже много лет Московский дом национальностей, распахнувший двери перед представителями национально-культурных автономий, служит стартовой площадкой для демонстрации достижений в области взаимообогащения культур.

Михаил АТАКЯН, ветеран дальней авиации.

Круглый стол**Миграционная проблематика в Калужской области**

31 мая 2012 года в УФМС России по Калужской области проведен Круглый стол на тему: «Миграционная проблематика в Калужской области».

В работе Круглого стола приняли участие: представители общественных и религиозных объединений, представители УМВД России по Калужской области, УФССП России по Калужской области, Министерства труда, занятости и кадровой политики Калужской области.

В ходе мероприятия отмечено, что вопрос адаптации иностранных граждан, для Калужской области как одного из самых привлекательных для иностранных

граждан региона России стоит достаточно актуально. Не смотря на то, что само понятие адаптации как процесса приспособления к изменяющимся условиям внешней среды достаточно старо, единого подхода к адаптации иностранных граждан в среде принимающего сообщества нет.

В процессе обсуждения данной темы участники Круглого стола обсудили следующие вопросы:

1. Возможна ли полная адаптация иностранных граждан?
2. Возможна и нужна ли адаптация всех иностранных граждан вне зависимости от цели их нахождения и длительности пребывания на территории Российской Федерации?

3. Роль государства в процедуре адаптации?

4. Роль общества в процедуре адаптации?

Кроме того, в работе Круглого стола обсуждался вопрос административного выдворения иностранных граждан. Особое внимание, уделялось проблемным вопросам работы по взаимодействию УФМС России по Калужской области с УФССП России по Калужской области по данному направлению деятельности. В рамках обсуждения вопроса представителям Общественных и религиозных объединений разъяснен порядок осуществления административного выдворения.

**Социальная адаптация иностранных граждан. Проблемные вопросы и пути их решения**

Анализ обстановки на территории Калужской области показывает, что общий объем миграционных потоков, приходящийся на долю Калужской области продолжает оставаться одним из самых высоких в Центральном федеральном округе.

За четыре месяца текущего года на миграционный учет поставлено более 44 тысяч иностранных граждан, что является третьим показателем по ЦФО (на 21 мая – 53 тысячи 032; АППГ – 41797; +22,6).

Сотрудниками Управления ведется работа по документированию иностранных граждан.

Управлением оформлено 1 тысяча 396 приглашений (АППГ – 1098), 994 визы (АППГ – 713), 924 разрешения на временное проживание.

Основную часть иностранных граждан составляют лица, прибывающие на территорию области с целью осуществления трудовой деятельности.

За четыре месяца иностранным гражданам оформлено более восьми тысяч разрешений на работу и более двух с половиной тысяч патентов на право трудовой деятельности. На 21 мая – 9 тысяч 78 разрешений на работу и 3 тысячи 343 патента.

Основная масса трудовых мигрантов, около 80%, находят работу в Калуге и в Обнинске, в Боровском, Жуковском и Малоярославском районах.

Основными экспортёрами иностранной рабочей силы из стран с безвизовым порядком въезда продолжают оставаться: Узбекистан (35%), Таджикистан (16%), Молдова (8%), Украина (7%).

Суммарно граждане этих стран дают более 65% иностранной рабочей силы, осуществляющей трудовую деятель-

ность на территории области.

Из стран с визовым порядком въезда лидируют: Китай (11%), Турция (4%), Франция (1%).

Значительная часть иностранных работников, прибывающих из стран дальнего зарубежья – это специалисты с высоким уровнем квалификации, руководители предприятий, инженеры, специалисты узкой направленности.

Для профессиональной структуры иностранной рабочей силы из стран СНГ характерно преобладание неквалифицированного труда и отчасти труда средней квалификации, в основном: строители, работники сельского хозяйства и обрабатывающих производств.

За четыре месяца аннулировано 1 тысяча 611 разрешений, из них – 2 по медицинским показателям и 201 – в связи с непредоставлением медицинских документов.

За четыре месяца текущего года приобрело гражданство Российской Федерации 422 человека, из них дети до 18 лет – 138 человек.

За время реализации Государственной программы по добровольному переселению соотечественников к нам прибыло около 11 тысяч соотечественников (6191 – участника и 4770 член семьи).

В этом году участникам Региональной программы стал 1 тысяча 331 соотечественник (801 участником и 530 членов их семьи), что на 20% больше чем в прошлом году.

Таким образом, вопрос адаптации иностранных граждан, для Калужской области как одного из самых привлекательных для иностранных граждан региона России стоит достаточно актуально.

Важность данного процесса вытекает из того, что по всем

прогнозам, миграционные процессы во всем мире будут только возрастать, (глобализация, интеграция экономик, стремление России расширить круг стран с безвизовым въездом). Кроме того, если раньше мы могли говорить и говорили о гражданах «бывшего СССР», то есть людях которые вне зависимости от их нынешнего гражданства имеют во многом общее воспитание, в чем то похожую культуру, имели общую историческую родину и общую историческую память, то в настоящее время основное число прибывающих в Российскую Федерацию лиц, являются в полном смысле этого слова – иностранными гражданами.

Идея мультикультурализма, еще недавно так популярная не только на Западе, но и в России, в настоящее время подвергается жесткой критике, и прежде всего, ее основной ее постулат о создании единой, этнически индифферентной гражданской нации.

Во-первых, практика показала и показывает, что не все культурные меньшинства готовы меняться, как требует того принимающее сообщество.

Во-вторых, зачастую, декларируемые принимающим обществом равные права и свободы, не совпадали с практикой.

Как ни парадоксально, для мигрантов политика мультикультурализма с ее постулатом равных прав для всех становится решающей мерой для того, чтобы избежать адаптации.

В настоящее время высказываются мнения о том, что полная адаптация мигрантов в принимающее сообщество невозможна, речь может идти только о «частичной или функциональной» интеграции.

20

И последнее, нужна ли нам адаптация для всех иностранных граждан. Не проще ли разделить поток миграции на две составляющие.

Прибывающие в Российскую Федерацию иностранные граждане по своей основной цели делятся на две неравные категории:

- желающие, в конце концов, получить гражданство России (меньшинство);
- желающие исключительно трудоустроиться, то есть заработать, в России (большинство).

Не проще ли и эффективней, оставив так сказать «за бортом» трудовых мигрантов, сконцентрировать все ресурсы принимающего общества (как государства, так и гражданских институтов) на первой категории, четко разделив их, в том числе – на законодательном уровне.

1. Возможна ли полная адаптация иностранных граждан?
2. Возможна и нужна ли адаптация всех иностранных граждан вне зависимости от цели их проживания на территории Российской Федерации?
3. Роль государства в процедуре адаптации?
4. Роль общества в процедуре адаптации?

Административное выдворение

Административное выдворение, являясь мерой принуждения к соблюдению законодательства, помимо цели наказать решает задачи профилактики административных правонарушений.

Так, иностранцу, помимо высылки, ограничивается въезд в Россию сроком на пять лет (или на один год в случае выдворения должностными лицами Пограничной службы ФСБ России).

Если ранее выдворенный иностранец попытается пересечь российскую границу по документам с измененными установочными данными, то в случае выявления этого факта органами пограничного контроля он не пропускается на территорию России, а через компетентные органы ему ограничивается въезд по новым установочным данным на срок выдворения. Кроме того, в каждом случае незаконного изменения установочных данных органы дознания погранслужбы рассматривают вопрос о возбуждении уголовного дела по статье 322 Уголовного кодекса России «Незаконное пересечение границы».

Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства заключается в принудительном и контролируемом перемещении указанных граждан и лиц через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, устанавливается в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства и назначается судьей.

Сотрудники УФМС направляют в федеральные суды Калужской области материалы для решения вопроса о применении дополнительной меры административного наказания в виде выдворения за 4 месяца 2012 года направлено 42 материала.

По состоянию на 30.05.2012 года количество иностранных граждан и лиц без гражданства, фактически выдворенных в административном порядке с территории РФ составляет 28 человек (АППГ-45).

Граждане, подлежащие административному выдворению содержатся в СП УМВД России по Калужской области.

В настоящее время в СП УМВД по Калужской области содержатся 20 иностранных граждан.

По итогам работы круглого стола участники пришли к ряду заключений.

И заключение:

1. Государство должно задавать правила игры понятные и ясные всем, и принимаемые всеми (даже теми, кто их не одобряет).
2. Основа адаптации – язык, равенство прав и обязанностей
- 2.1. Язык – государство задает правила, общество (бизнес, общественные организации) реализует.
3. Коррупция может разрушить все.

УФМС России по Калужской области.

Население Земли превысило 7 млрд. 57 млн.

В Международный день народонаселения, 11 июля, число жителей планеты составило 7 млрд. 57 млн. 608 тысяч человек, сообщает ИТАР-ТАСС.

Двигателем роста жителей планеты являются развивающиеся страны. За это столетие число жителей Африки увеличится, достигнув 3,5 млрд. В странах черного континента самый большой рост населения зарегистрирован на юге Сахары, где каждая женщина в среднем рождает пять детей. Население Земли каждый год увеличивается на 80 млн человек, что равно населению сегодняшней Германии.

Ежегодный праздник культуры и традиций



В конце мая в областном молодежном центре КЭМЗ прошёл отчётный годовой концерт юных воспитанников творческого объединения армянской диаспоры. Этот день – праздник для армянских семей.

Уже, как два года, в Доме Пионеров учатся дети и молодежь национальным танцам и песням. На ежемесячных и годовых концертах воспитанники показывают своё мастер-

ство. Самый юный участник Эдуард Мискарян из Кондрово приобрёл известность своим умением профессионально играть на национальном инструменте – дудуке. Он уже является самостоятельным солистом. Многие воспитанники участвуют в областных конкурсах и являются лауреатами и дипломатами этих конкурсов. В коллективе более 30 человек. В него входят танцевальный ансамбль «Ташир», одарённые певицы, детский ансамбль и две русские девушки, которые играют на дудуке. Практически все участники выступают в красочных национальных нарядах, а поют только на армянском языке. Ансамбль «Ташир», кроме танцев, порадовал зрителей шуточным номером, как муж в деревне продавал мацони, и представил обряд армянской свадьбы.

Помимо творческого обучения в коллективе завязываются крепкие дружеские узы и не забывается родной язык и традиции. Сохранность культуры – одна из целей данной организации.

Участников концерта своими концертными номерами поздравили шоу-группа «Галактика» и танцевальный ансамбль от грузинской диаспоры.

По ходу выступления зал оглушали аплодисменты и радостные возгласы. Каждый участник заслуженно был одарён Похвальными листами от Калужского отделения «Союз армян России», Почётной грамотой от компании «Ташир» и букетами цветов от близких.

Отдельное спасибо Ашоту Казаряну за создание в Калуге творческого центра. Как он сказал: «В следующем году ещё сильнее будут наши дети».

Спасибо компании «Ташир» за финансовую поддержку, художественному руководителю Гайку Саакяну и самим воспитанникам за то, что не забывают родные традиции!

Елена МЕЛНИЧ.



Фото Елены МЕЛНИЧ.

Светлой памяти**Арсентия Даниловича Струка посвящается****Арсентию Даниловичу Струку**

Я вновь присягаю на верность
На Библии Ваших Стихов -
Пред ними рассыплется пылью
Весь пепел сгоревших грехов.

Того, что мы встретились поздно,
Себе не могу я простить,
И было оборвано грозно
То время творить, и любить.

На той поэтической ниве
Колосья бесчисленных тем,-
Где были Вы рядом с другими.
О, как я завидую всем!

Так скупоты отмерены строчки,
Что мной собирались вослед,
Как Руфью на скошенном поле.
Но я сохраняю Ваш свет.

26 января 2012 г.

Триптих «Реквием»**1. Она**

Я для Вас не жена, не вдова-
Я могу лишь со всеми скорбеть.
Не успела сказать все слова-
Лишь в руках Ваши руки согреть.

Я успела совсем чуть-чуть:
На испанском поговорить,
Вспомнить море и Сахалин,
Там, где нам довелось пожить;
И в больницу к Вам прибегать,
Обнимать среди всех новостей,
На прощание - целовать,
Оглянувшись в проёме дверей
...В глубине квартиры пустой
Умирал телефонный звон,
А желание рядом быть
Разбивалось о домофон!

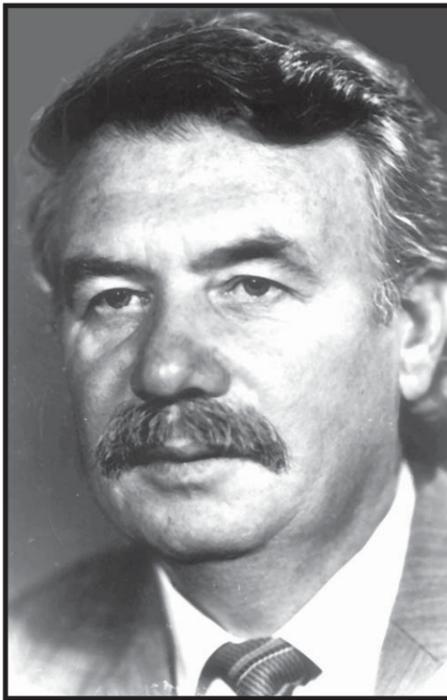
Я просила Вас отыскать,
Торопила: «Скорей. Скорей!..»
Я боялась так **опоздать**
Поделиться любовью своей

15 сентября 2011 г.

2. Отпевание

Мы стоим у Вашей жизни на краю,
На печальной её околице,
Свечи поминальные зажжём,
Господу за Вас помолимся. Помолимся.

«Господь, Всемогущий, Всеблагий,
Всепрощающий;
Всякое согрешение, содеянное им



Словом или делом, или помышлением
Яко благий Человеколюбец, Бог, прости.»

...Таёт сумрак плывущий.
И даже спит глаза
Солнечный плат дороги
Из храма-на небеса.

«Во блаженном успении
Вечный покой подаждь, Господи,
Усопшему рабу Твоему Арсентию
И сотвори ему вечную память.»

...Золотом горит иконостас,
Продолжаясь, вздохом колокольным.
Как Вы далеки теперь от нас-
Светлый, отрешённый. И спокойный.

3. Литвиново

Бездонное, хмурое небо
Нас миловало от дождя.
И кто же теперь рассудит:
- Что можно? Что было нельзя?
Молчание - красноречиво,
А горечь терялась в словах.
И хрупкая тяжесть букетов
Бессильно лежала в руках
На бруствере Жизни и Смерти
Закончен земной пересуд.
На комья холодные глины

Когда-то и нас отнесут...
Над душами властен Спаситель.
А здесь, оглянувшись на миг,
Легли нежно-белые розы
На алые раны гвоздик...

19 сентября 2011 г.

Литвиново-2

**«Блаженный нищие духом,
Ибо их есть Царствие Небесное»
Евангелие от Матфея, гл.5.
Нагорная проповедь
Заповеди Блаженства.**

Хоронили нищие Нищего
У ограды, да у кладбищенской.

Хоронили Его убогие
Чуть в сторонке от дороги той

Пролетела там птица чёрная,
Прокричала Эдгаровским вороном.

Небо брызнуло светлым золотом,
Только хмурилось до конца потом...

Кто-то честно делился чувствами
Возле гроба с речями грустными.

Те ж - с печатью скорбного ужаса, -
Даже плакать не удосужились.

Друг за другом в толпе скрывались,
Будто к гробу идти боялись.

Упокой, Господь, душу грешную!
Да прими его в землю свежую...

21 сентября 2011 г.

*И небольшое стихотворение, которое мне очень
дорого. И написано оно ещё не в прошедшем времени.*

Есть в лексиконе Любви
Среди обычных «люблю»
Слово одно - для Вас:
«Я Вас боготворю».

Пусть, как молитва, оно,
Будто кумира творю.
Нет, не люблю я Вас -
Я Вас боготворю!

Жаль, не избежать фраз -
«Надежды равны нулю»
И всё, что связало нас,
В этом - «боготворю» ...

**Сулимова Ирина Васильевна,
Литературный клуб «Галерея».**

Сделать правильный выбор

Несмотря на летний сезон, время каникул и отпусков, экскурсии в Музей истории Управления МВД России по Калужской области продолжают проводиться с прежней регулярностью.

На минувшей неделе с историей калужского региона и его полиции здесь познакомились воспитанники летнего лагеря для подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, из Бабынинского района.

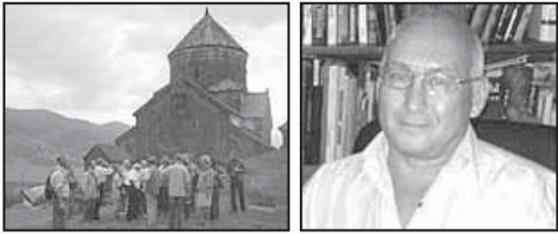
И хотя эти ребята относятся к категории «трудных» экспозиция музея увлекла их не меньше, чем более благополучных сверстников. Дети с интересом разглядывали экспонаты, отдавая предпочтение оружию и боевым орденам, охотно участвовали в диалоге с проводившей экскурсию директором музея Зинаидой Малыгиной, отвечая на её вопросы и задавая свои.

В зале памяти ребята почтили минутой молчания па-

мать сотрудников органов внутренних дел, отдавших свои жизни во имя защиты правопорядка. Очень хочется верить, что полученные в музее полиции новые впечатления помогут бабынинским подросткам сделать правильный выбор в жизни и занять своё, достойное место в обществе.

**Алексей ГОРЮНОВ.
Фото автора.**

Далекое-близкое



То, что русские писатели перманентно обращаются к армянской теме, для нас совсем не неожиданность — это стародавняя литературно-культурная традиция. В советские годы эта традиция окрепла и заиграла сочными красками всеобщего братства и единства. Кстати, невыдуманного

братства, которое, увы, в последние десятилетия сходит на нет. Предлагаем читателям два русских рассказа в жанре ностальжи: один — «Рыжий Сашка» — написан Семеном ДАНИЛЮКОМ.

Кроме того, что он профессиональный юрист, он также писатель и драматург, удостоенный литературных наград и премий. Когда-то в 70-х гг. побывал в Ереване в молодежном лагере... Не будем, конечно, пересказывать его рассказ, однако скажем, что автору удалось ошутимо-явно передать атмосферу и явь тех лет, когда в армянскую столицу приезжали тысячи «союзных» туристов, когда не было всех тех забот, которые навалились позже. Ошалелые туристы, с удовольствием кайфующие в нашем городе, — одно из знаковых воспоминаний тех лет. Достаточно вспомнить «Ласточку» в Норке, осаждаемую толпами ереванских

мужиков. «Рыжий Сашка», наверняка, вызовет волну трепетных воспоминаний...

Совсем иное время зафиксировал московский писатель Олег КУИМОВ, лауреат нескольких литконкурсов. Его рассказ очень актуален, он касается проблемы взаимоотношений российских скинхедов с кавказцами, конкретно с армянами. Для автора Армения — не просто бывшая союзная республика: он родился в Кировокаке в семье военнослужащего и, очевидно, провел несколько весьма юных лет. Его рассказ, судя по всему, не придуман. Написан рельефно, с иронией и юмором. И с симпатией.

Армения-Россия... Братство продолжается, должно продолжиться...

Семен ДАНИЛЮК

«Рыжий Сашка»

Когда в обкоме комсомола мне предложили путевку в международный молодежный лагерь в Ереване, я не раздумывал.

В семидесятые-восьмидесятые годы ММЛ стали любимым местом отдыха молодежи. Для нас, изолированных от внешнего мира, Закавказье, Прибалтика воспринимались как самая настоящая заграничка (каковыми, в конце концов, и оказались).

А уж когда в центре Еревана среди домов из красного туфа в открытом уличном кафе попивал я кофе с коньяком и любовался ширококрыльями, беспрерывно гудящими «фордами» и «мерседесами», окончательно убедился — заграничней не бывает.

Позже я узнал, что иномарки эти подержанные, и присылают их родственники из-за рубежа (в отличие от русских, армяне своих корней не теряют). Сочетание «подержанная иномарка» в моей голове решительно не укладывалось. В России и за инвалидскими «Запорожцами» ломались с заднего хода.

Целый день пробродил я, ошалелый, по главным улицам. Поэтому до молодежного лагеря, разместившегося в гористой, окраинной части города, добрался лишь к концу дня заезда. В лагерной «стекляшке» уже вовсю шло братание, к которому я охотно присоединился.

В молодежные лагеря съезжалась комсомолка со всего Союза. Безупречные заведующие отделами и инструкторы райкомов и горкомов, оказавшись вдалеке от привычных ограничений, превращались в обычных юнцов и девчонок и оттягивались со страстью и удалью. Знакомились на брудершафт, и чем больше выпивали, тем больше друг другу нравились. Пили, как водится, пока не иссякало спиртное.

Последнее, что запомнилось в тот вечер, — долговязый парень с депутатским значком, который, ухватив меня за пуговицу (кажется, он за нее держался), страстно объяснял, что после выпивки внутри человека образуются некие алколоиды. И если немедленно не добавить, они начнут расщепляться и грызть тебя изнутри.

Очнувшись в девять утра, я убедился в его правоте. Расщепившиеся за ночь алколоиды бушевали в голове, покусывали желудок, щекотали гортань, высушивали небо и вообще всячески шkodничали, требуя залить их сверху новой порцией спиртного.

В джинсах и стоптанных сандалиях на босу ногу поволокся я к выходу из сонного лагеря, — опыт подсказывал, что раз построили молодежный центр, значит, поблизости непременно должны были открыты винный магазин.

Прямо напротив лагерных ворот, с другой стороны дороги, стояла дощатая продуктовая палатка с оплетенным металлическими прутьями окошком. А за ним на витрине угадывались пузатые «бомбы» «Айгешата», бутылочки портвейна и «Арени». О миг желанный! Я в нетерпении припустил к палатке. Увы мне! Окошко оказалось наглухо задраено. И ни души.

Оголодавшие, обманутые алколоиды взвыли и с новой силой принялись скрестись изнутри. От безысходности я забарабанил по окошку. Уже готов был хватить булыжником по стеклу и протиснуть руку меж прутьями. Скорее всего, после этого пришлось бы сменить лагерь, — молодежный на исправительно-трудовой. Но судьба не допустила крайности, — внутри послышался шорох. Окошко открылось.

Из палатки на меня внимательно смотрела конопатая, окаймленная жесткими рыжими волосами русацкая физиономия с бульбой посреди широкого лица.

— Ты еще здесь откуда? — бестактно брякнул я. Обладатель огненной шевелюры задумчиво порылся пальцем в широкой, будто артериальная скважина, ноздре и неспешно, с чудовищным армянским акцентом произнес:

— Зачем калотишь, дарагой? Стучаться надо, да?

Я даже привстал на цыпочки, пытаясь разглядеть за его спиной спрятавшегося кавказца. Но нет — никого больше не было.

— В смысле ты кто? — поправился я, тоже впрочем невразумительно.

— А ты кто? — резонно отреагировал незнакомец. Вгляделся повнимательней и вдруг зацокал. — Новенький, да? Русский, да? Выпить хочешь, да? Помогю, слушай! Как хорошему человеку не помочь?

Я тотчас оттаял, — передо мной была родная, истинно русская сострадающая душа.

Так я познакомился с Сашкой Саркисянцем.

В Армению Сашка попал ребенком, во время войны. Разбомбили поезд с беженцами. Плачущего среди трупов младенца подобрала армянская семья. Документов при нем не было. Твердо знал малыш лишь свое имя: Саска.

Так и остался Сашкой. Но уже Саркисянцем. К моменту нашего знакомства Сашке исполнилось тридцать пять. За все эти годы из Армении не выезжал. Да и за пределы Еревана выбирался нечасто. Жил в доме приемной матери, хотившей его и любившей. Впрочем, Сашку, как я вскоре убедился, любили все. Среди приятелей — армян слыл он за человека доброго и веселого, но со странностями. Быть может, странность его виделась армянам в чрезмерной открытости. (У нас это называется рубаха-парень). А быть может, в том, что он всегда был доволен тем, что имел, и не жаждал большего.

Отказался, например, от доходного места в большом Универмаге, что выхлопотали для него.

— Зачем оно, слушай? — оправдывался он перед ходатаями. — В палатке я сам по себе начальник. Друзья заходят, есть чем угостить. А что там? Ни воздуха, ни посидеть.

Ему нравилось, что вокруг люди. Редкий случай, когда, забегав в подсобку, я не заставал там двух-трех горбоносых южан, что-то степенно обсуждавших за бутылочкой «Раздана». И меж ними, смуглыми, небритыми, огненный Сашка — самый шумный, самый гортанный.

Иногда, впрочем, оказывался Сашка в палатке в одиночестве. Тогда он всеми силами старался заманить меня внутрь, набулькивал стакешек портвейна.

— Не торопись, нет? Посиди, слушай. Расскажи о России, — заискивающе просил он.

Его интересовало все. Климат, люди, как живут, сколько получают... Я рассказывал. Сашка слушал, прищипывая. Глаза его горели детским любопытством и — неизменной тоской.

— Россия! Вах! — то и дело мечтательно причмокивал он. — Какая жизнь могла быть! Моя жизнь!

— Господи, Сашка! — взрывался я. — О чем ты? На самом деле вы здесь на порядок лучше живете. На порядок! Ты хоть знаешь, что такое давиться в очередях за говяжьими костями? А что делается в колхозах Нечерноземья, рассказать? Как раз только побывал.

Я принимался делиться наболелшим. Сашка мрачнел все больше. Наконец вскипал:

— Как можешь так говорить? Ты что, турок какой? Это ж Родина. О ней, как о матери, нельзя плохо!

И мне отчего-то делалось стыдно.

— У вас, наверное, снег, — вздыхал Сашка.

— Какой снег? Очнись. Начало октября! Листопад.

— Листопад! — мечтательно тянул Сашка.

На глаза его навертывались крупные слезы.

— Да в чем проблема, Сашка?! — не выдерживал я. — Съезди, наконец, в Россию. Сам все своими глазами посмотри.

— Съезжу, да, — Сашка сразу стихал. — Вот соберусь как-нибудь и съезжу.

— Долго собираться, никогда не выехать! Нечего волынку тянуть. Вместе и поехали. У меня еще неделя отпуска останется. Москву покажу, Волгу.

— Да. Надо, надо, — Сашка тушевался. — Но — стыдно, слушай. Как поеду?

— Что стыдно?! Кого? — загорячился я. Но, поостыв, по-

нял. Сашка обречен был оставаться чужим среди своих и своим среди чужих.

Среди приютивших вырастивших его армян выделялся экзотической внешностью. В России вызывал бы хохот жутким, несоместимым с бульбой акцентом. И эта ситуация мучила болезненно стеснительного Сашку.

— Чего не женился до сих пор? — переводил я разговор.

— О! Это-то, — Сашка по-армянски закатывал глаза. — Не случилось, слушай. Армянин женится на армянке. Еврей на еврейке. Русский на русской должен, да? Вот съезжу на Родину. Может, там найду.

Как-то с очередного похмелья мы сбросились, у кого что осталось, и меня делегировали к Сашке. Палатка по обыкновению была закрыта. Я привычно обошел ее сзади и условным стуком постучал в дверь. В подсобке, на поставленных на попа ящиках сидели два щетинистых, остролицых армянина. Меж ними на цементном полу стояла початая бутылка «Алиготе».

— Понимаешь! Сын у него родился, — протягивая мне три «бомбы», Сашка кивнул на одного из гостей.

Должно быть, черт меня дернул. Я раскупорил одну из купленных бутылок, разлил портвейн по стаканам. Подражая Сашке, провозгласил: — За твоего наследника, дарагой!

...И я пропал. Искать начали через час. Остервеневшие собутыльники колотились в запертую палатку, но так и вернулись ни с чем, матеря меня на чем свет. Наутро, отсчитав сутки с момента исчезновения, сообщили в милицию. Приехала опергруппа. Опрашивали, суетились. К концу дня за меня стали пить не чокаясь.

Разыскал пропажу толстый черноусый участковый, знавший в округе всех и все про всех. Пошел по дворам, где праздновалось какое-нибудь событие. За третьим по счету праздничным столом обнаружился бодрый тамада Сашка. Рядом на одеяльце под грушей лежал я. Совершенно осоловелый, поскольку при каждом новом тосте гостеприимный хозяин приподнимал мою голову и — вливал. Впервые в жизни появление участкового я воспринял как избавление.

Отдыхающие в лагерях и на турбазах подобны бабочке-однодневке, жизнь которой отмерена от рассвета до заката. О предстоящем отъезде я сообщил Сашке за сутки. Веселые глаза его притухли. Но тут же вспыхнули свежим азартом.

— Надо, слушай, отвальную! — с гордостью выговорил он заковыристым словцо. — Или мы не русские? Поедем на рынок. Так, да? Отберем баклажан там, зелень, прочее всякое. Сам выбери, чужому доверить нельзя. Мясо особенно! Замочу! Знаю, как надо.

— Чего тут знать? В уксусе!

— Уксус?! — Сашка оскорбился. — Глупый ты человек! Баран просто, а не человек. Уксус — смерть шашлыку. В вине. Но — тоже не всякое. Знаю, какое. Сам и дерево под уголь подготавливаю. Негодное дерево — все насмарку.

Я вновь прошелся с шапкой по кругу. И после обеда мы с Сашкой сели на рейсовый автобус и поехали с гор в долину — на Ереванский рынок. Маленький ПАЗик лениво пылил по дороге. Остановок он, похоже, не ведал. Просто притормаживал, когда кто-то поднимал руку. Входящий непременно здоровался со всеми, перекидывался несколькими фразами с Сашкой. Здесь его знали все. Выходящие обязательно прощались.

Сидевший на заднем сидении старик вдруг что-то прокричал. Водитель остановил автобус. Старик вышел. Он уже скрылся за домами, а автобус продолжал стоять. Через пять минут я потерял Сашку за рукав.

— Чего стоим?

— А! Пошел племянника поздравить с сорокалетием. Скоро вернется. Ничего. Отдыхай, слушай!

50

Вернулся ушедший еще через десять минут, вновь громко прокричал, — похоже, передал привет водителю, — и автобусик покандыбал себе дальше.

Деньги за проезд, как я заметил, кидали на козух рядом с водителем. Там же катался куций рулончик из билетов. При выходе я хотел оторвать два на память. Но Сашка успел ухватить меня за рукав и удержать от бестактности:

— Обидишь, слушай!

Ереванский рынок благоухал запахами и рокотал разноглосьем. Войдя в центральные ворота, Сашка преобразился.

Надо было видеть, как он покупал. Перебирал зелень, потирал ее, подносил к носу, принохивался, хмурясь, отбрасывал и хватался за следующий пучок. Услышав цену, громко, презрительно ухахатывался, взбрасывал руку: «Э-Э!» — собираясь отойти. Продавец удерживал Сашку и предлагал назвать свою цену. Сашка нехотя называл. Теперь уже продавец произносил: «Э-Э!» — и все начиналось сначала. Горячий спор шел на копейки. Наконец они ударили по рукам и расстались, преисполненные уважения друг к другу.

— Теперь мясо, баклажаны! Потом гранат не забыть, — азартно объявил Сашка.

Через три часа я, оглушенный и безразличный ко всему, едва передвигал ноги. Сашка же оставался светл, бодр и лучезарен. С рынка уходил неохотно.

На другой вечер вся наша сдружившаяся команда собралась в отдаленном углу лагерного сада, где уже вовсю трудился Сашка. У раскидистой яблони догорал костерок. На длинной скамейке рядом стояли благоухающие, прикрытые крышками металлические миски. На подносе грудилась стопка армянских лавашей — тонких, как блины, пахнущих

свежей коркой.

Все расселись вокруг костра и, истекая слюной, нетерпеливо поглядывали на священнодействующего Сашку. К шампурам он никого не подпускал. Сам нанизывал мясо, перемежая кружками помидоров и ломтиками лука. Работал ловко, — сразу с двумя мангалами, так что шашлыки пеклись по очереди, один за другим. Огненная Сашкина шевелюра то и дело вспыхивала в отблесках костра.

Ах, что это был за ужин! Ты брал лаваш, ложкой накладывал внутрь чесночно-баклажанную смесь, скручивал его в горячую трубочку, из бутылки, зажаты меж ног, отпивал добрый глоток вина, в правую руку хватал сочащийся, дышащий костром кусок мяса, откусывал пропитанный специями лаваш и вгрызался зубами в шашлык — сочнее и вкуснее из всех пробованных мною прежде.

Вечерний прохладный сад, в отдалении — сквозь ветви деревьев — шум и огни гуляющего корпуса, и мы, насытившиеся, пьяноватые, все — влюбленные и грустные — оттого, что очередная сказка заканчивается, и завтра грядет расставание друг с другом и с полюбившейся Арменией.

И самый шумный и оживленный среди нас — Сашка. Успевший тостовать и задираться к девушкам. Только оказавшись с ним бок о бок, я разглядел в глазах тоску, как, должно быть, у эмигранта, провожающего в порту очередной корабль с далекой Родины, на которой никогда не бывал.

И тогда я поднял стакан и, стараясь подражать визгливо-гортанному Сашкиному голосу, произнес тост за того, кто расцвел наш отдых, за того, кого каждый из нас будет рад видеть гостем в своем доме.

Сашкино смеющееся лицо вдруг исказило судорогой. Пытаясь сдержать плач, он быстро заморгал белесыми ресницами, даже обхватил ладонью рот, но — не сдержался и зарыдал навзрыд.

Я записал ему свой адрес и все контактные телефоны и в десятый раз потребовал клятвенного обещания приехать. Сашка, утирая слезы, поклялся.

Он не приехал и не позвонил. Чего и следовало ожидать.

Через много лет, в конце восьмидесятых, я вновь попал в Ереван и попросил отвезти меня к ММЛ. Мне не терпелось повидать Сашку.

Палатки напротив входа больше не было. На ее месте выстроили типовой застекленный магазинчик «Товары повседневного спроса». Молоденькие продавщицы из равнинной части Еревана на мои расспросы недоуменно пожимали плечами.

Помог пожилой покупатель — небритый облысевший армянин, в котором я не сразу признал того самого отца новорожденного, в доме которого мы с Сашкой сутки гуляли.

От него узнал, что все эти годы Сашка безвыездно прожил в материнском доме. Приемная мать дважды пыталась его женить на дочерях соседки, но он все как-то изворачивался. А женился уже после ее смерти — на какой-то русской женщине с ребенком («И куда смотрел? — армянин огорченно зацокал. — «Профура» настоящая. С первого взгляда видно. Все видели. Он один не видел»). Она, сама пьющая, приучила Сашку к водке, и за два года до моего появления зимой они оба, перепившись, угорели в своем доме.

— Плохо он с ней жил, — припомнил армянин. — Говорили — бросай, какая она жена? Говорил — брошу. Потом опять говорил — как брошу? На кого?... И пить столько разве можно? Да, хороший был человек. Но — что поделаешь? Русский. Это не исправишь. Гены! — армянин важно потряс узловатым пальцем.

На своей исторической Родине Сашка Саркисянц так и не побывал.

Олег КУИМОВ

«А армян я завтра бить не пойду: у меня уважительная причина»

Поздним октябрьским вечером с Ярославского вокзала отправилась одна из последних электричек. Лишь двое парней лет так восемнадцати-девятнадцати оживленным разговором, перемежавшимся громким матом и смехом, нарушали тишину в этом сонном царстве. И без Вассермана можно было догадаться, что это скинхеды: длинные черные сапоги на толстой подошве, черные же кожаные куртки, лысые черепа и временами, в паузы между смехом, одинокий аристократически высокомерный остекленелый взгляд. Братья-близнецы, разве что один худощавый, второй пониже, но значительно крепче, и у него была заметна ровная линия шрама на лбу.

— Не-е-е... мы тогда классно повеселились, — рассказывал крепыш. — Шуганули чуток как следует. В следующий раз думать будут, ехать к нам или не ехать. Россия для русских, — взметнулся вверх его сжатый кулак.

— Иес, — взметнулся кулак худощавого.

В это время двери в вагон с шумом разошлись в стороны, пропустив внутрь молодого узбека. Тот сделал несколько шагов и, заметив скинхедов, разом остановился, словно вдруг вспомнил о забытой вещи, развернулся и перешел в другой вагон.

— Гирия, смотри — чурбан! — выпятил в негодование нижнюю губу крепыш. — Давай догоним.

— Да ладно, мне еще ехать, — ответил худощавый.

— Ты чего, Гирия? Давай ему профилактику проведем, чтобы не забывал, кто тут хозяин, — крепыш, напрягшись, приподнялся с места и залез рукой под куртку, что-то там нащупывая. Глаза его загорелись охотничьим азартом. — Ну чего тормозишь?! Пошли!

— Не-е-е, в другой раз, — лицо Гири огорченно скривилось, — я же тебе говорю, Кот: мне еще пиликать. Ты-то выходишь, а я... на ментов нарваться можно.

Кот нехотя опустил на место.

— Ладно, пусть живет.

Возникла небольшая пауза. Гирия окинул вагон хозяйским взглядом и, не найдя ничего интересного для себя, заговорил:

— Ничего, Кот, завтра оторвемся. Ты же, надеюсь, не забыл, что мы завтра хачиков идем мочить. Давно надо их на место поставить.

— Как я могу такое забыть, ты чего?! — радостно рассмеялся Кот. — Повеселимся. Кстати, а чего ты именно армян так не любишь? Не Чичиков там или грузин, или таджиков с киргизами, а именно их?

— Хитрожопые они. Да и... — Гирия в смущении запнулся, — было дело, лоханулся я по малолетству по глупости. Дал своему однокласснику Сурену телефон посмотреть. Отвлёкся на минутку, потом говорю: давай обратно. А он мне — я его тебе в сумку положил. Я посмотрел — нет его там. Сурен давай клясться всей родней, типа ничего не знает: положил — и все, взятки гладки. Соловьев, мол, докажет: при нем клал. А что Соловьев?! Они друзья — он хоть что подтвердит. Короче, никто не виноват, а телефона нет. И вообще, козел он был редкостный, этот Сурен.

Электричка замедлила ход, заскрипела, притормаживая у

станции.

— Ну ладно, Гирия, давай. Пока, — попрощался Кот, направляясь к выходу.

— Пока, Кот.

Кот уже стоял на платформе. Двери с шумом захлопнулись, под вагоном что-то звякнуло, и электричка покатила дальше. Теперь стало еще шумней: подсели двое пьяных строителей, что нетрудно было понять по их оживленному разговору. Разгоряченные какой-то несправедливостью со стороны заказчика, они восклицали во всеуслышание: «Беспредел! Этого заказчика надо порвать на мелкие куски».

...Глухо звякнуло стекло. «Ну, давай! Чтобы сдать, наконец, этот объект». — «Давай!»

Гирия метнул короткий взгляд на опустошивших одноразовые стаканы строителей и некстати не успел погасить презрительную усмешку. Один из строителей уставился на него и, зло выпучив глаза, произнес:

— Эй, лысый, ты чего, крутой, что ли, очень? — и обратился к напарнику: — Ты прикинь, Валерыч, этот урод нас, работяг, не уважает. Ты прикинь: едут мужики, никому не мешают, тихо-мирно. А этот череп нас презирает. Давай ему накадим... чтоб не болелось, — строитель угрожающе ухмыльнулся. Второй тоже уставился на Гирию.

Гирия сидел ни жив, ни мертв, понимая, что надо уносить ноги, пока не поздно, и не решаясь: чувствовал: поднимется — могут сразу тормознуть. А так, может, успокоятся, и он немного положе перейдет в другой вагон.

— Все нормально, мужики! — он поднял перед собой руки в миролюбивом жесте. — Я ничего против не имею. Все нормально.

— Еще бы ты имел что-то против, — рассмеялись строители и стали разливать водку.

Гирия сообразил, что сматываться надо именно сейчас, поднялся и направился к двери.

— Эй ты! — раздалось за спиной, — куда собрался-то?

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, — прозвучал голос второго.

Оба пьяно заржали.

Гирия ускорил шаг. Мельком полуобернулся — вроде как глянуть в окно. Рванули за ним. Гирия припустил бежать, боясь и надеясь.

Не успел. Тяжелый удар по голове отбросил его к стене уже в тамбуре. Гирия развернулся, пытаясь вырваться обратно в вагон: может, кто заступится. Оттолкнули, зажали у стены и стали бить. Гирия закрыл голову руками, со стоном принимая болезненные удары по телу и ладоням. Сквозь раздвинутые пальцы он видел, что ехал вместе со слепыми и глухими: все спокойно спали, не видя происходящего в тамбуре и не слыша ни возгласов бивших, ни вскриков самого Гири: «Мужики, не надо... мужики, ну, пожалуйста!»

Гирия держался на ногах, зная, что если упадет, то запинаят — будет еще хуже. Голова гудела.

В этот момент дверь распахнулась. Какой-то армянин, которого они с Котом прежде, видимо, не заметили, схватил одного строителя за руку.

— Кончайте, мужики! Вы же так его убьете. Кончайте!

У Гири забрезжила надежда — так, чуть-чуть, как у хватающего за соломинку утопающего.

— Да пошел ты... — замахнулся он на армянина.

Далее все произошло быстро — как в кино. Армянин, опережая бьющего, выбросил вперед руку. Затылок опрокинувшегося строителя громко стукнулся об стену, и тот завалился на пол. Еще один резкий шаг — отчетливый звук мощно впечатавшегося в лицевую кость кулака. Второй лежал рядом с первым.

— Вставай! — подал руку армянин.

Гирия, застонав, поднялся. Болел бок с правой стороны. Более крепкий строитель тоже, опершись об стену рукой, привстал на одно колено.

— Ах ты, козел! — с ненавистью пнул его Гирия в плечо.

— Ты чего?! В тюрьму, чо ли, хочешь?! — рыком развернул его к себе армянин. — Он и так уже сегодня может отдыхать, а ты его добиваешь. Так ведь и убить можно или покалечить. Голова-то на что?!

— Понял я! Хорошо! — поспешил согласиться Гирия. — А вообще спасибо. Если бы не ты, меня бы уже затоптали.

— Невелика потеря, — буркнул армянин, подавая платок. — На... вытрись. Вы, скинхеды, уже всех достали.

— А чего же ты тогда заступился за меня?

В вагоне не спали, разглядывали с уважительным интересом армянина.

— Нет, ну правда, чего ты за меня в таком случае заступился, если я скин? — повторил вопрос Гирия.

— А то... — сердито протянул армянин, — не люблю, когда слабого бьют, особенно когда двое одного.

— А чего же тогда сразу не помог?

— Да я и не хотел вначале. Вы же моего племянника чуть калекой не сделали. Не смог просто удержаться: двое на одного — не по-мужски. Так что... — он усмехнулся, — считай, тебе повезло. Но если ты мне в другой ситуации попадешься, смотри... — Гирия стало не по себе под суровым взглядом армянина, — церемониться не стану. Мало не покажется.

— Да я и сам уже вижу, — поспешно согласился Гирия.

Сидя в одиночестве, Гирия думал о том, как непросто все в этом мире. Черные, белые, желтые, зеленые, бывший одноклассник Сурен с его телефоном и нынешний спаситель — все перемешалось в его голове. Лишь одно оставалось для него по-прежнему ясным и непоколебимым: Россия — для русских. Хотя... кто его знает... может, пусть и другие живут: места всем хватает, но только как-то по-другому пусть живут, без кичения нами, русскими, и чтобы помнили, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Коли приехали к нам, то пусть к нам приспособливаются, а не мы к ним. Во всяком случае, мы бы у них так и поступили. А так... пусть живут. С армянами, во всяком случае, жить можно.

Благодарно улыбнувшись оглянувшемуся на него спасителю, Гирия приветственно поднял вверх сжатый кулак. «А армян я завтра бить не пойду: у меня уважительная причина», — подумал он, трогая на голове шишку.

Подготовила Елена ШУБАЕВА-ПЕТРОСЯН.

Два послесловия к «Урокам Армении»

К 75-летию Андрея Битова



Битов и Рафаэль Котанджян



Битов на фоне домашней библиотеки

В эти дни Россия отмечает юбилей выдающегося писателя Андрея БИТОВА, творческая биография которого накрепко связана с Арменией. Началось это в 1969 году, когда вышли его «Уроки Армении».

Тогда Андрея Битова вряд ли знали в Армении. Однако «Уроки» сделали его у нас не столько известным, а совершенно своим. «Уроки...» читали и перечитывали, удивляясь глубине и пронзительности проникновения русского человека в армянский мир — древний и новый. Книга получила всесоюзный резонанс, Битов написал к «Урокам Армении» два послесловия, в последующие издания книги они не вошли, так и остались послесловиями. С тех пор Андрей Битов всегда с Арменией, включая и тяжелые годы карабахского противостояния — он оказался человеком на редкость преданным и верным, что мы, армяне, ощутили со всей явственностью. Мы поздравляем замечательного писателя со славной датой, наши любовь и благодарность ему никогда не прервутся.

Андрей БИТОВ

ДУДУК

Эта книга есть образ страны, какой я увидел ее в первый раз много лет назад.

Дата этого образа обозначена на первой же странице сочинения: мне было тридцать, советская власть вся готовилась к своему 50-летию, русскому христианству еще не было тысячи, а армянскому полторы тысячи уже было... все было моложе, не только автор, но и его век. XX век был тоже моложе.

Это потом уже были и Карабах, и Сумгаит, и землетрясение, а тогда Армения ничем таким не отличалась от других республик в глазах непосвященного — только на каждой витрине в Ереване была написана цифра «50», без всякого комментария, в пальмовых веточках, — единственно понятная мне армянская буква. Да и потрясенный никаких, кроме того, что Никита Сергеевич продал на валюту весь коньячный спирт, казалось, Армения не испытала. Страна потрясла меня как другая, не Россия. Я никогда еще не бывал в другой стране.

Как раз за год до этого я совсем было собрался в другую страну. Страна ожидалась даже больше, чем другая — Япония. Из всего непосещенного мною мира и без единого шанса его посещения, я окончательно остановился на двух странах в своем выборе: Япония и Англия. Страны, думал я, с одной стороны, самые цивилизованные, а с другой — наиболее удерживающие традицию. К тому же обе — острова. Это важно, но одному мне это и было важно. Никто меня туда не звал, никто не пускал. О Луне и о Марсе я мог мечтать с не меньшим основанием. И вдруг Япония приблизилась ко мне стремительно, будто и впрямь, как пелось в песнях моего счастливого сталинского детства, мечта сбывается, если она настоящая. И вот я уже с билетом «Находка-Иокогама» в кармане шуршу японскими иенами. Я еду в Японию по приглашению ихней кинофирмы писать первый советско-японский киносценарий. Долго недоумевали японские бизнесмены, встречая на причале переводчика, кинооператора, представителя министерства, но не того, кого они пригласили для работы. Позднее мне сообщили, что у меня был острый приступ печени. У меня не было его, слава Богу, до сего дня.

Так вот, о коньячном спирте... Не знаю, сумею ли я сформулировать этот закон, имеющий, кажется, даже математическое выражение... Что для качества нужно количество. То есть чтобы производить, скажем, тысячу тонн коньяка, коньячного спирта нужно не столько же, а в десять раз больше. Это же нелогично! Держать без всякой пользы золото, когда его можно потратить... Точно так рассудил и вождь, и я рассуждал бы так же. Но знаменитый армянский коньяк пропал. То есть он не пропал, а стал значительно хуже, то есть в некотором смысле он все-таки пропал. Как коньяк. Но я его еще застал, когда приехал с горя вместо Японии в Армению. Как бы в командировку, на самом деле в гости к другу, коньяк тогда еще был: весь с настоящими еще пробковыми пробками, до подорожания, до потери вкуса. Хороший был коньяк. Много.

«...Мы сидели с друзьями под виноградом. Он свисал с деревянной решеточки, образуя нам тень, пока вокруг плавилось армянское солнце и попевал в жаровне уголь для шашлыка.

— Видишь, — сказал мне друг, когда к столу, в ожидании шашлыка, были поданы невиданные мною голубцы, крошечные, темнозеленые, которые следовало поливать простоквашей. Но простокваша была «мацун», а голубцы — «долма», ибо завернуты были не в капустный, а виноградный лист... — видишь, — сказал он, — ничто так не отдает себя целиком, как виноград. Его можно есть, — он сорвал виноградину, — его можно пить, — он пригубил коньяк, — в тени его можно сидеть, лист его идет на долму, и даже когда он умрет, его можно сжечь...

Вокруг валялись виноградные дрова — тоненькие и ко-

рявые. Они дают самый жаркий жар. Что лучше всего для шашлыка.

— Ничто не используется настолько полностью, как виноград, — оказал мой друг. — Разве что женщина при социализме.

Это была шутка. Компания была исключительно мужская.

Коньяк, разговор, шашлык и песня — все попевало одно за другим, в неторопливой последовательности юга. Глаз покоился на библиско-медитанском пейзаже. Спешить было некуда, потому что — не надо.

Я ничего не ждал, и все было подарком.

Один симпатичный человек жарил и подавал шашлык, другой — музыку.

Он выходил застенчиво, восторженно приветствуемый моими армянскими друзьями. Он доставал из большого футляра маленькую дудочку, длиннее свистка и короче флейты. Она вся была унизана золотыми кольцами — оказалось, подарками от поклонников, это был великий Ваче! Я еще ничего не ждал.

Свирель его называлась «дудук». Дудка это и была.

И вот первый звук.

Это не перед плачем и не плач, это после плача. Это, если помните, как в детстве. Когда от горя наступает согласие с миром и все ясно. Ясность эта больше слова, она и есть слово. Непроизнесенное, потому что не надо. Понимание. Счастье, принадлежность и неотделимость. Отсутствие себя. Равенство с миром. То есть не знаю, что еще. Вы понимаете.

Не сразу я разглядел за спиной этого маленького и кругленького гения, лучащегося простоватостью и добротой, другого — огромного, черного, свирепого человека, незаметно доставшего точно такую же дудочку (но без золотых колец) и начавшего ровно дуть в нее, вытягивая одну и ту же ноту на непрерывном дыхании своей непомерной груди.

Необыкновенный эффект живописи рождали они вдвоем! Этот огромный и грозный выдувал свой ровный грунт и фон, с мрачным обожанием поедая взглядом маэстро. А тот ткал и выписывал на этом общем серебряном фоне свою голубую замысловатую нить. «Наступают холода» называлась эта гениальная музыка, вбирая в себя нас, беседу нашу, близ и даль, траву и небо, торы и солнце, и воздух. Воздух был музыкой и музыка воздухом — мы ими дышали и умирали. И будто музыка отменяла собою все, включая себя, переставая быть музыкой и становясь ею же. Я плакал.

По-видимому, я расчувствовался чересчур. Я был влюблен в полноту своего чувства к чужой родине. Она мне принадлежала куда точнее и глубже, чем им. Я стал всем этим, что вокруг. У себя дома мне не давалось такое.

Мой сосед не чувствовал так глубоко. Он сидел равнодушно и отстраненно, ковырял стол.

— Боже, как это хорошо! — воскликнул я, когда маэстро кончил, утирая несвежим платком свой потный лоб и смущенно улыбаясь.

— Почему ты думаешь, что ты один это чувствуешь? — с негостеприимной неприязнью сказал мне сосед.

Это было внезапно и жестко. Я утер слезы. Мне было обидно тогда.

Сейчас я понимаю его.

Восторг — тоже агрессия. Своего рода танк.

Я уже писал эту книгу.

Танки входили в Чехословакию — я дописывал ее.

Через год редактора прошлись своими гусеницами по ее тексту, пролив слишком много моей чернильной крови. Не знаю, было ли это малодушием, что я пошел на такие потери, или, наоборот, присутствием духа. Книга состоялась.

Прошли десять, пятнадцать, девятнадцать лет...

Книга не старела, потому что ничего не менялось, — я старел.

Казалось, ничего не происходит — стряслось.

Сначала тикнуло все наше безвременье, как мина замедленного действия. Потом рвануло, но пока вдали от Армении.

Чернобыль.

Гул приблизился — в Армении АЭС в сейсмической зоне... Но не там произошел взрыв.

Карабах. Этот «вулкан» копил свою силу все семьдесят

лет.

Когда началась резня в Сумгаите, когда по Армении прокатилась весть о первых жертвах, какая страшная память впитала в себя первые же капли крови!

Если всего те же семьдесят лет назад, на памяти еще живущего поколения, число жертв от турецкого ножа приблизилось к двум миллионам. Кровь армян — сообщающийся сосуд. Кровь одного равна крови всех.

И вот не просохла кровь — обрушилось землетрясение. Кто из жителей Ленинакана знал, что это не конец света.

Рассказывают, что во время землетрясения обезумевший армянин бегал с ножом по рушащемуся городу, ища зарезать причину катастрофы в виде турка.

Если уж начался Страшный Суд, то почему мы первые? — вот чувство современного армянина.

Недавно на одном симпозиуме интеллектуалов в Амстердаме, обсуждавшем на высоком уровне границы культурной Европы, накануне цепи армянских трагедий, один высокообразованный философ спросил меня, сильно ли отличается армянский алфавит от русского. Он, кажется, вообще был удивлен, что Армения и Грузия вмещаются в пределы Европы (хотя бы и географической). Я возмущился, совершенно забыв, что и сам не многим отличался от него, пока не написал эту книгу.

Это книга о том, какой можно было увидеть Армению впервые.

До того, как все, что произошло, случилось...

ГРАНТ

«Обидно, досадно, противно... но — что поделаешь? — гений!» — сказал один замечательный поэт про своего соперника по современности. Мне это очень понравилось как формула признания объективного факта. Обидно, досадно, противно... повторяю я вслед, но — что поделаешь? — пятнадцать лет прошли. Как корова языком... Третью прожитой жизни. А вдруг даже самая важная треть? И что сделано, то сделано? И не все уже в будущем? И то что есть, то и есть? И где те, мои и наши, тридцать лет, когда мы казались себе уже такими пожилыми? Сейчас мы кажемся себе не такими уж старыми, как тогда казались себе — не такими уж молодыми. Разница.

Тут то ли обида, то ли гордость распирает: хвастаться нечем — только хвастовством и держимся... И то сказать, первенцы наши уже в университетах учатся, первая книжка превращается в первое «Избранное». Наши воспоминания об alma mater приобретают легендарный вкус: Резо — это тот Габриадзе, который написал все грузинские комедии и основоположил первый грузинский театр марионеток; Тимур — это тот самый Пулатов, загадочную прозу которого разгадывают сейчас наши выдающиеся критики; Рустам — это тот самый Ибрагимбеков, прославленный драматург и секретарь; Грант... Это все тот же Грант. Благодаря ему мне может показаться, что и пятнадцать лет не прошли, что мы сохранились и сохранили. Что не потратили и не утратили своего качества, а даже преувеличили и обрели. И хотя вещи, о которых я писал пятнадцать лет назад, переключались в разряд «раннего» Матевосяна, все то, о чем говорил и на что намекал, сохранилось: Матевосян непрерывен и неискажен от своего начала, — все это лишь обрело развитие и доказательства. В этой давней статье самое ценное — дата. Поэтому ни в коем случае мне не хотелось бы ее «расширять» и переписывать — она стала точкой отсчета.

И то, что я оказался так уж «прав» в его оценке, заслуга, конечно, не моя, а снова — его, Гранта. Проза его растет как дерево. Укоренившись однажды, оно тянется вверх и прибавляет годовые кольца (жаль, что до сих пор не переведен на русский «Ахнидзор», с которого все и началось, семя его творчества: это был бы ключ для критика...). Расхожее для критической похвалы слово «рости» в данном случае имеет не расхожее, а первое и подлинное значение — не метафорическое, а буквальное. Тут не придется говорить о так называемом «становлении», «обретении лица», «выработке индивидуальной ма-

70

неры» как о признаках писательского «роста» – растет все тот же Грант, как сосна – всегда сосна, или орех – всегда орех. Метафорический же рост Матевосяна есть акт нашего сознания: нашего признания или понимания, читательского или критического. С каждой новой вещью Матевосян до нас «доходит». Он вырос в наших глазах гораздо больше, чем написал новых (про него правильнее говорить: следующих...) вещей. Оказался законченным все тот же цикл «Оранжевый табун», затем «Мать едет женить» сына», «Похмелье», «Начало», «Твой род», ряд рассказов, теперь – «Ташкент»... Но и «Начало» и «Твой род» (при переводе названия оказалась утраченной многозначность армянского, включающего в себя прежде всего то, о чем я и говорю – «дереву») – восходят к «Ахнидзору». Ахнидзор раз и навсегда взял псевдоним, став раз и навсегда Цмакутом, поменяв географическое положение на положение феноменологическое. Против фолкнеровской Иокнапатофы у Цмакута есть и отличия, и, на мой взгляд, преимущества: существование Цмакута как бы более реально, несмотря на его не меньшую выдуманность и обобщенность. Разрастание символа не грозит обнажением конструкции: с ростом обобщения в прозе Матевосяна жизнь становится не условнее, а трепетнее, – эффект мастера, расплачивающегося за текст душой и любовью. Высокая условность именно такова – она именуется искусством. (Пример не совсем уместный, но всегда казавшийся мне наиболее убедительным по очевидности – древнеегипетская скульптура, где обобщение контура доведено до предела условности, до символа, а эффект реальности таков, что четверть-метровую фигурку шагающего фараона хочется потрогать, не теплая ли она, не пульсирует ли в нем кровь, а от его супруги того же роста хочется иметь детей; противоположного эффекта достигла в конце скульптура античная: телесная безусловность и буквальность сделала мрамор холоднее окружающей атмосферы, от него стало веять склепом, моргом, анатомическим театром.)

Пятнадцать лет назад, уходя в очередной раз в сторону от очередной комплименты, как боксер от удара, он сказал: «Погоди, я еще напишу что-нибудь стоящее, вот увидишь... Я хочу написать стол, – он обвел взглядом то, вокруг чего мы и сидели (он сказал не «описать», а «написать», как сказал бы живописец, но сказал это именно словесник, не собирающийся «занимать» у живописи...). – Я хотел бы написать этот хлеб, этот лук, этот коньяк... Коньяк у меня, кажется, получился, – сказал он с гордостью, прикидывающейся скромностью. – Хлеб не получился, но – получится. Я еще напишу...» И я ему что-нибудь говорю, наверно про то, что литературная реальность и реальность жизни есть разные реальности и неизвестно еще, какая реальнее, а он как бы соглашается и все-таки не верит, потому что если ты не знаешь хлеб, то как ты напишешь хлеб? А если ты не знаешь лук, то тем более ты не напишешь лук!..

Речь шла тогда, по-видимому, о «Похмелье», которое мы, сидя за столом, иллюстрировали. Он хотел написать хлеб – словом; это признание в писательской технологии заложено, кроме прочих смыслов, в название его книги «Хлеб и слово». Пятнадцать лет назад, делая ответный боксерский выпад, он мне говорил: «Послушай, как ты это понял? – Он имел в виду мою статью о нем. – Ведь ты же не должен был этого понять. Ты же лошади не знаешь – как же ты понял про Алхо?» И теперь пришла моя очередь обижаться на похвалу. Я бы мог ему, с не меньшим унижением паче гордости, заявить: «Погоди, это я еще не понял... Я еще пойму, вот увидишь...»

Так мы и провели эти пятнадцать лет: он еще что-то написал (лук, телегу, мертвую собаку...), я еще что-то понял... но мы – за тем же столом. Он мне говорит о том, что еще напишет, а я ему о том, чего не написал. И он мне говорит через эти же пятнадцать: «Погоди, я еще буду писателем, я еще напишу...», и я опять понимаю, что он имеет в виду, но говорю со вздохом: «Хорошо бы еще... Даст бог... Но, знаешь, оказывается, и то, что написано, все-таки уже написано и там ничего не переписывай, и там ровно уже столько того и только так, как мы уже написали, не больше». «Но ведь и не меньше», – говорю не то я, не то он. Но вот что говорит мне именно он через эти пятнадцать лет: «Я хочу выпить за литературу, которая не менее точна, чем наука, а может, и более точна, которая не менее великая реальность, чем жизнь, а может, и не менее жизнь... Это – счастье». И это мне – счастье: услышать от него через пятнадцать лет такие слова, и это не я его спрашиваю: «Как ты мог это понять?», а он меня: «Ты понимаешь, что я имею в виду?» Кажется, да. Может, уже и нет...

Вот еще какой рассказ я не написал... рассказываю ему я. «Без дерева и без воды» называется. Может быть, он называется «Великая сушь» (было такое обозначение на старых барометрах). Может, он называется просто «Суша». Название ему придумать легче, чем написать, но написать его тоже не слишком сложно. Маркесу бы его было несложно написать. Ты его мог бы написать, но не станешь. Да и я, скорее всего, не буду. Но рассказ ничего, нормальный мог бы быть рассказ. Может, это наши даже дни... Местность такая, как пустыня. Пустынная местность. Плато. Есть ощущение, что сильно выше уровня моря. Может, здесь такое геологическое чувство, что море тут когда-нибудь, триллион какой-нибудь лет назад, было. Стало быть, дно древнего моря. Дно поднялось и стало плато. Плоскогорье. Ничего не

растет. Саксаул тем более. Просто ни щепки, ни капли. Воду привозят в цистернах, землю в самосвалах. Воду на вертолетах, почву в мешках. Каким-то образом именно там необыкновенно процветает огородничество, сам понимаешь. Эти огородники очень настойчивы, так что у них кочан – это уже прямо дирижабль, а не кочан, самый большой в мире кочан – у них как раз и вырос. Его только вертолетом можно вывезти – такой кочан. Помидор тоже никак нельзя есть, хоть ешь его всем аулом, кишлаком, селом или артелью, – национальный колорит мне еще не вполне ясен... – помидор этот везут в специальной цистерне, напоминающей огромную литровую банку, чтобы не помялся. Его надо везти, чтобы всем показать, показать всему миру, какой у нас вырос помидор, у нас, где один камень и ни капли влаги, и саксаул – дерево влажных тропиков, у нас, где семья везли специальным вертолетом за десять тысяч километров, а воду выбурили самым глубоким в мире колодезем, так что мы ее получаем от антиподов, у нас, где почву мы привезли в чемоданах, рюкзаках и карманах, возвращаясь из летних отпусков... В общем, такой помидор, как, если помнишь, была идея у Резо: поставить памятник помидору, – такой помидор. И как ты понимаешь, как ты уже чувствуешь, никакого преувеличения в повествовании нет, никакой гиперболы, все это – на самом деле. И вот в этом знаменитом племени землепашцев, славящемся на всю вселенную своими километровыми бадриджанами, появляется выродок, который в свободное от выращивания помидора время не пьет, не курит, не роет свой подземный дом (а надо сказать, они на своей планете, то есть в ауле, уверены, что на них должны напасть с бомбой жители более плодородных земель за одно то, что те сами не умеют вырастить столь же несъедаемого помидора)... Нет, может быть, не так. Может, это такая секта «выживенцев», которая роет себе бункеры и запасается столетними запасами на случай ядерной войны (самая отвратительная категория, не правда ли?), такая секта, которая для пущей безопасности удалась в самую необитаемую пустыню и там еще и закопалась под землю, не заметив, что и война уже прошла, и что сами они давно мутанты... Нет, все-таки не так. Так слишком футурологично. И с твоим заявлением о научно-фантастической литературе я давно согласен... Так вот, этот выродок, этот мутант, или этот недомутант, этот «бывший» стал таскать щепки, спички из поселка в пустыню и каждую свою свободную минуту там, в пустыне, пропадать. Его пробовали образумить, судили за кражу досок, но, и отсидев, он принимался за свое. Когда же спустя несколько десятилетий поняли, что он там, в пустыне, на самом высоком месте, строит лодку, когда стал вырисовываться голый острок, то все так смеялись, что оставили его даже в покое как сумасшедшего, а он тем временем вдруг привел козочку, затем свинью, затем... тут, как ты понимаешь, трудно читателю объяснить, чем он их кормил... но как-то, однако, кормил... может, даже после некоторого возмущения и попытки его линчевать соотечественники немощно привязались к животным (все-таки никогда их не видели, всю жизнь питаюсь толчеными акридами и выращивая на экспорт свой уникальный томат...). В общем, так шли долгие годы, и idiot этот достиг самого почтенного возраста, не прерывая своего активного безумия. Он даже стал как-то значителен в своих лохмотьях, в своей огромной седой бороде... его стали понемногу признавать за уникальность, в чем-то уже готовые были увидеть его выразителем их национально-аульной идеи, один поэт назвал его «великим скульптором, воздвигающим памятник морю», некое его сходство с достославным помидором готовы были обнаружить... Как вдруг... а надо сказать, раз в год, независимо от все пока что не начинавшейся войны, у них были такие каникулы-учения, когда они забирались в свои бункеры и две недели не высывали носа – на всем своем, на всем готовом... и вот они вылезают наконец на божий свет, щурясь на свое свирепое солнце, и первое время они ничего не видят, а потом – что же они видят? Они видят, что исчезла главная их достопримечательность – уникальный деревянный столб, возвышавшийся посреди селения; на нем еще висел колокол для созыва на коллективную поливку помидора, так вот: рельса эта валяется на земле, а столба нет. Туда-сюда, старика нет, козы нет, борова и того нет, буйволицы нет, собаки даже мертвой нет, лошадь, думали, отошла, «а ее тоже нет, коршун только по-прежнему в небе летает, ищет куру, который тоже нет... Не сговариваясь, сразу все поняли и побежали... Прибежали, видят: стоит посреди пустыни

оснащенная лодка, а мачта – как раз тот столб и есть; да что там лодка – корабль! – из окошек, с бортов морды животных торчат; дети безумца что-то там на мачте последнее подвязывают, вроде белого флага... (да, про детей я пропустил, но они каким-то образом у него были, сын и дочь, а может, три сына... они ему помогали, когда подросли, как бы он сам управлялся?..) Ну, жители все в страшном негодовании по поводу своего столба, то есть теперь уже мачты, и терпению их тут приходит конец, и они велят старику сойти с борта на берег, то есть спрыгнуть на сушу, где они уже с ним расправятся, старик же машет на них руками и кричит, чтобы они отошли поскорее, потому что лодка сейчас уже отплывает...

Надо сказать, что даже гнев людей поостыл, так они заново смеялись, но все-таки и безумию должна быть граница, так что пресечь все-таки было надо... и они снова ринулись уже на штурм; а старик кричал страшно, чтобы они скорее бежали назад и прятались в свои норы... ну, люди, естественно, были оскорблены и не понимали, что он там так безумно тычет перстом в сторону горизонта, где как бы даже небывалое здесь облачко вдруг появилось, вроде морщинки на безумном его лбу... и люди совсем вошли в раж и гнев, идея поджечь корабль овладела ими. И впрямь, образ такого пожара был для них, бездревесных, таким же несбыточно страстным, как и ливень... огонь, казалось им, мог бы утолить их столетнюю жажду... легко занялся первым пламенем борт, и буйволица замычала, отпрянув, и они не слышали, что кричал им безумный старец... в свете молодого пожара они не заметили внезапно сгустившихся сумерек, из которых готов был корабль окончательно подхватиться огнем, хлынул невиданный ливень, который тут же пожарник этот загасил, а люди тогда, напоенные и напуганные, наконец услышали, что старец вопил им бежать скорее домой и что перст его указывал на первую волну, что с курьерской скоростью мчалась с горизонта... (Ты сам понимаешь, что я просто забыл сказать, что этого старого хрена, чисто в насмешку, прозвали Ноем, а потом и имя его настоящее забыли...) Люди бежали без оглядки, и волна нагоняла их, и когда подхватила, то увидели они, бархатная, как уверенно и ловко и стройно покачивается «в бескрайней морской глади – ковчег. Конечно, я затаил с этим словечком, которое и самому недогадливому давно просилось на язык, но в таком случае я забыл сказать и то, что сами односельчане Ноя, именно так же, в насмешку, прозвали его лодку «ковчегом» и очень смеялись своей шутке: «Ноев ковчег». Но, видишь, назвать-то они смогли – узнать не могли. И спастись – тоже. Ной же их и спас. Как? Ну, конечно, взяв всех на борт он не мог. Он даже, я тебе скажу, я так думаю, никого из воды не подобрал, а дал им всем благополучно утонуть. Что значит благополучно? Я даже не предполагал, что так удачно слово встанет – благополучно. Они благополучно погибли от стихии, как люди, не успев укрыться в свои крысиные бункера, из которых больше бы уже никогда не вышли. Предположим, что у них все там идеально герметично было... Нет, согласись, это смешно: прятаться от бомбы, когда грядет потоп, рыть яму, когда надо строить лодку?.. И знаешь, что, на мой взгляд, самое удивительное? Что люди об этом всегда знали. Они всегда знали о грядущем потопе, но боролись только с придуманными, собственноручными, так сказать, обстоятельствами, как раз реальность обволакивая оболочкой мифа... Ну, зачем, скажем, выращивать несъедобный помидор, пусть и самый большой, если можно с меньшими затратами вырастить горсть маленьких и съедобных? Ну и пусть не самая удачная метафора или там символ, или знак... Я не сторонник сочинения мифов – это не индивидуальное занятие. Ничего нет ни системного, ни экономического в моем помидоре... Но представь себе маленький, еле-еле, а уже помидорчик, разве он не величайший памятник Творцу? А каков он в засолке? под стопочку? Ни над чем я не глумлюсь. И мораль у меня даже есть: не надо зарываться.

Вот этого всего я в очередной раз не написал. А Грант уже написал про лошадь, про буйволицу, про что думает мертвая собака, освещенная лунным светом, про волка и про медведя немощно написал, а теперь – про борова. Роман «Боров». Вызывает доверие. Тем более что я по инерции оговорился: ведь его задача, как в свое время, про лук, коньяк, хлеб... Не ПРО! а их самих написать. Значит, и не про борова, а самого борова он написал. А там уже и не так много остается до счета СЕМЬ. Семь пар чистых и семь пар нечистых. Может, он их спасет.

Турки тоже считают Арарат символом Армении

В Стамбуле вышла в свет книга, посвященная 20-летию Организации черноморского экономического сотрудничества.

В ней содержатся главы обо всех 12-и странах-членах, включая, разумеется, и Армению. Речь идет о территории, демографическом и экономическом потенциале и иных

особенностях стран ОЧЭС, а также об их национальных символах. И примечательно, что раздел, посвященный Армении, предвзят изображением обеих вершин Арарата. То есть сами турки считают библейскую гору святыней армянской нации.

Арагат ПАШАЯН

ПИАНИНО

Для ленивого читателя (многие выбирают, что читать, исходя из названия рассказа и, что чаще всего бывает, просматривают объем произведения, и конечно, выбирают самую маленькую) поясню, что столь интригующее название предстоящего для чтения текста, на самом деле имеет опосредованное отношение к пианино, и тем более к музыке.

Каким-то странным образом события в этом повествовании происходят вокруг описываемого здесь пианино, что позволяет описывать эпохальные события для армянского народа в последней четверти кровавого, смутного, поворотного, революционного, и одновременно эпохи великого научного прорыва - XX века.

Странные события вокруг этой истории начинались еще в конце XX века, то есть с момента зарождения идеи этого рассказа.

Начинать писать что-то — событие, тяжелое состояние души, когда автор, проходя через соответствующие философские испытания и переживания, все же берется за дело. Уверен, что практически все авторы испытывают одинаковые ощущения во весь период становления произведения. И релаксационные периоды, при которых придаются забвению все ощущения, связывающие с уже созданным и рожденным в муках последним творением, по-моему, тоже похожи.

Существовали три рукописи разного объема, где я каждый раз доходил до середины истории и по разным причинам откладывал работу до появления свободного времени.

Хоть и образно говорят, что «рукописи не горят» (думаю, зря критики и народ стараются придать этой фразы магическую значимость, исходя из соответствующего жанра-источника), но они у рассеянного автора пропадают.

Таким образом, я в четвертый раз начинаю писать рассказ на тему, которую я планирую изложить.

Не будучи суеверным человеком, тем не менее, верю, что на этот раз она (рукопись) не пропадет (Еще бы! На этот раз, ее электронная версия сохраняется в компьютере).

Такое «аномально»-упрямое стремление предать гласности все то, что я думаю и чувствую по этому поводу обусловлено тем, что после моей эмиграции из Армении в Россию у меня произошла метаморфоза мышления. Я из жанра сентиментального и лирического рассказа перешел в другую весовую категорию: ностальгические эссе.

Все, что происходит в этом рассказе достаточно точно и чувственно передает эмоционально-драматическую суть происшедших событий в описанном мною периоде с Арменией и проживающими там людьми-армянами.

В самые безмятежные 80-ие годы, в период «процветания» развитого социализма с «человеческим лицом», когда народ, находясь в полудреме, даже перестал волноваться за «задержку» объявленного коммунизма, практически во всех семьях, где выросло молодое поколение, старались для них обеспечить хотя бы минимальное музыкальное образование. При этом самым распространенным инструментом было пианино. Поэтому, я не удивился, когда мой сосед по лестничной клетке, попросил помочь ему в процессе транспортировки пианино, которое он хотел приобрести для дочери.

В выходной день, мы, трое мужчин армянской национальности средних лет, отправились за пианино.

Если кто из читателей имел опыт транспортировки пианино выпуска 50-их годов марки «Красный октябрь», то поймет, что надо быть умалишёнными, чтобы тремя неподготовленными дилетантами без специальных приспособлений задумать операцию транспортировки тяжелого пианино.

Кстати, именно тогда, в мучительных процессах передвижения пианино, я задавался вопросом: почему впереди у него такая тяжелая металлическая пластина? И много полезного я почерпнул потом, изучая строение музыкальных инструментов (нет смысла раскрыть причинно-следственные связи особенности строения пианино).

Вынести инструмент из квартиры, где он хранился, нам удалось благодаря наличию у пианино колесиков. Благо, квартира находилась на первом этаже.

Остальную дорогу транспортировки пианино осуществляли также, катая его по разгромленному асфальту.

То ли мой сосед был жадным человеком, то ли близость (около 200 метров) расположения квартиры, откуда мы брали пианино, не давала повода ему оплатить грузовую машину с грузчиками.

При катании по ухамам и колдобинам от этого бедного пианино исходили такие стоны и звуки, которые могут победить в любом соревновании по изданию жалостных криков и звукового изображения ощущения невыносимых болевых ощущений.

Уверен, если бы среди нас был хотя бы один с полугодовым музыкальным образованием, не выдержал бы эти «муки», убежал бы от безысходности и прожил бы в изоляции несколько недель, чтобы преодолеть психологическую травму.

Трудно сказать, в каком исходном положении мы забрали инструмент от прежнего хозяина, но после такой транспор-

тировки, думаю, этот вопрос потерял актуальность...

Подкатив его до нашего подъезда, мы сделали маленькую паузу (перекур), пригласили еще двух соседей и попробовали поднять инструмент на четвертый этаж.

Это были четырехэтажные хрущевские коробки с узкими лестницами (и не только), по которым даже гроб спуская, надо применять особые технологии...

Как оказалось, без особой сноровки и приспособлений этот груз не переместить, так как необходим особая конфигурация охвата.

Так как мы устали и уже вечерело, мы предпочли оставить пианино в подъезде, на первом этаже, подняться к соседу и обмыть попку. Доставку отменили на потом...

Надо ли описать, что творилось у нас в подъезде на первом этаже, где выстроилась очередь детворы.

Терять было нечего. Испортить инструмент, в смысле расстроить его, было не возможно. Разве что кто-то украдет и унесет?

Мучение пенсионерки Шакэ, бывшей учительницей, проживающей на первом этаже, которая страдала гипертонией и другими нервными болезнями, продлились два дня.

Тем не менее, за 3 часа мы эту махину подняли до четвертого этажа, полностью испортив одежду, получив раны и царапины.

И тогда начались мои мучения, когда дочь соседа начала первые занятия по игре на пианино...

Надо полагать, что мои заслуги перед человечеством и количество добрых дел были по достоинству оценены богом, так как через месяц дочь соседа потеряла интерес к инструменту.

Родители моего соседа и сестра со своей семьей жили в Австралии. Такова армянская судьба. Даже в стране кенгуру, где не так давно съели Кука, проживают армяне. Они переселились туда, начиная с 1925 года из Египта, Ливана, Сирии и других стран.

Однажды, вечером, сосед пришел к нам домой и сообщил, что им дали разрешение на эмиграцию из Армении в Австралию, в Сидней.

Мы побеседовали, поговорили мирно, как всегда. Я не мог определиться, радоваться вести или сдержанно слушать, что ему надо. Наконец он завел разговор про пианино. Доводы были убедительны. С таким трудом подняли, а теперь спускать...

- А кому оно нужно? - спросил я. Вот, сосед со второго подъезда переехал в новую квартиру, а пианино просто оставил. Кому не лень, может забрать.

- Я тебе дарю пианино, просто так. Понимаешь, жалко просто так оставить. Забери. Пригодится...

Вспомнил Райкина юмореску, когда он изображал завсклад сельхозхозяйственных продуктов. В конце года, чтобы не потерять фонды на следующий год, решили полностью использовать финансовый остаток и купили рояль. Когда он отчитался перед директором, тот спросил:

- Крышка есть? Картошку будем хранить!

Итак, мы просто прикатили пианино ко мне в квартиру, и у нас в доме появился музыкальный инструмент, наличие которого в годы расцвета социализма, рассматривалось и оценивалось как признак особого статуса...

Восьмилетняя дочь в то время очень увлекалась пением. Копировала Пугачеву, стоя перед зеркалом. Думали, музыкальный слух имеется. А тут пианино подкатило к нам домой. И к бабке не надо ходить, чтобы догадаться, к чему веду я разговор.

В школе, где училась дочь, какой-то молодой человек, совсем не музыкальной внешности, подрабатывал частными уроками по обучению игры на пианино.

После первого посещения учителя музыки жена наотрез отказалась дальше ходить, так как каждый раз учитель давал домашние задания, записывая ноты в тетрадь, при этом разъясняя родителю, что надо сделать дома и как контролировать ребенка при этом.

Надо отдать должное жене, которая на редкость честно и трогательно призналась, что у нее абсолютное отсутствие слуха.

При этом было признано, что я очень неплохо пою. Следовательно, у меня музыкальный слух, и естественно я должен помогать дочери в процессе обучения музыки...

Следуя турецкой поговорке, которая не рекомендует обучаться музыке после 40 лет, я бы никогда не совершал такие глупости.

Однако обстоятельства принудили совершать необдуманные поступки.

Через месяц я уже играл некоторые примитивные мелодии. Правда, надо признаться, что на клавишах фломастером делал надписи типа ля, фа и др.

Успехи моей дочери были нулевые. И когда я понял, что мы платим деньги и ходим с дочерью на занятия для того, чтобы мужчина старше средних лет обучался пикировать на пианино, вежливо откланислся учителю, и эта мрачная пора моей жизни осталась позади, чему я был безумно рад. И не помеха, что я осознал, что моя дочь абсолютно не музыкальна.

После Спитакского землетрясения и без того аварийные Хрущевские Черёмушки Еревана сильно пострадали, и наш дом был признан аварийным.

Пианино уже три года «жило» у нас, и ни разу не было использовано по назначению.

Горизонтальную поверхность мы использовали как подставку для всяких ваз, хрустала, и, иногда, журналов и книг.

Когда настало время переезда на новую квартиру, я повесил объявление повсюду в соседних домах и дворах, где предлагал бесплатно забирать пианино. Только одно условие: самовывоз.

Через два месяца, когда мы уже обустроились на новой квартире, а пианино сиротливо оставалось на аварийной квартире, и ходили слухи, что через месяц дом снесут, мне стало жалко пианино, и я решил организовать цивилизованную доставку инструмента к нам домой на седьмой этаж.

После развала СССР в Армении настали настоящие кошмарные дни. Все предприятия встали, прекратилась подача газа, электричества, тепла. Городской транспорт был парализован. Хлеб распределяли по талонам. 125 грамм каждому жителю Еревана.

Начался голод и паника. Все деревья были срублены.

Моя семья, спасаясь от холода, греясь у самодельной печи-буржуйки, которую глухонемой сосед с восьмого этажа топил дровами, которые он добывал в светлое время дня.

Чтобы принимать хоть какое-то участие в общем деле, я решил постепенно сжигать тома Ленина. Все 54 том полного собрания сочинений В. И. Ленина были сожжены за короткий срок. Потом я стал избавляться от не очень нужных книг...

К тому времени я развешивал объявления о продаже пианино, хотя никакой надежды на успех не было...

Через месяц к нам по объявлению зашла молодая женщина, проживающая в соседнем квартале. Ее звали Асмик. У нее не было денег, поэтому она за пианино предлагала оплатить золотой цепочкой, которая ей досталась как подарок покойной бабушки к ее свадьбе.

Она была профессиональной пианисткой с консерваторским образованием.

Асмик и ее муж Армен, с которым мы, в последствии, тоже познакомилась, недавно вернулись из Украины, куда они переехали в поисках счастья, однако, прожив там год, вернулись обратно в Ереван. Здесь Асмик и решила восстановить свои уроки по обучению музыки детей. Для этого ей нужно было купить пианино, так как при переезде на Украину, ее хороший, немецкий инструмент продали еще в прошлом году.

Муж Асмик, Армен, как-то пригласил меня к себе домой, где мы от души посидели за бутылкой карабахской водки.

Во время застолья Армен мне объяснил, чтобы мы с женой особо не церемонились с Асмик по поводу пианино, так как они все равно рано или поздно, опять уедут из Армении. На этот раз в Россию.

После долгих колебаний и семейных советов, мне все же удалось уговорить жену согласиться уехать в Россию, к ее матери, чтобы спасти от голода и холода наших детей.

Уезжали мы, оставляя квартиру с мебелью и вещами, вероятно, тем самым, уговаривая и успокаивая себя, что вероятно мы вернемся.

Для приобретения билетов на самолет (Армения была и до сих пор остается в блокаде) не доставало 200 долларов. Откуда брать, непонятно.

Кажется, и на этот раз бог решил отблагодарить (поощрить) меня за мои добрые дела. Совсем неожиданно, нашлась семья, которая за 180 долларов купила у нас это пианино, и сами же его спустили и вынесли.

Самое интересное было то, что, простучав о нескольких клавишах, покупательница, знаток этого дела, призналась, что инструмент в неплохом состоянии...

С тех пор я ничего не знаю о странствиях моего пианино. Остался ли он в этой доброй семье или продолжает странствовать, не знаю...

Через 6 месяцев после того, как мы покинули Ереван, к нам в Россию по адресу, который я передал друзьям в Ереване, приехал совсем растерянный и без всякой надежды на будущее Армен — муж Асмик.

- Арагат, я понимаю, тебе тоже несладко. Но умоляю, помоги. Погибаем. Голодаем в буквальном смысле. Продали все, и я с трудом выбрался. Мне обратной дороги нет. Я выехал в одну сторону, чтобы потом семью привезти. Единственная надежда ты. В России у меня никого нет.

Армен пожил у нас, пока в далеком районе не нашел работу главного ветеринарного врача животноводческой фабрики (он был хорошим ветеринаром) в одном загрязненном радионуклидами районе области.

93

Он и до сих пор работает там и, говорят, процветает. Уже 4 машин поменял.

Завел молодую любовницу и загулял. Под конец, Асмик этого не выдержала, развелась с ним и уехала с дочерью в США на постоянное место жительства.

Завершая мое повествование, хочу еще раз пояснить, почему я это эссе (выбирая между эссе и рассказом, я предпочел эссе) озаглавил «Пианино».

После переселения из Армении в Россию я пропитан жутким и все усиливающимся чувством ностальгии.

Она (ностальгия) всегда и всюду сопровождает меня. Сидит

у меня, дрожит, как камертон, тихо стонет и плачет в душе.

Мне постоянно хочется поделиться с людьми моими чувствами, переживаниями.

Не потому, чтобы они меня, такого несчастного пожалели (боже упаси).

Я хочу всему человечеству сообщить, что состояние постоянного ностальгирования разрушает душу и не дает человеку быть полноценным. Тем более, счастливым.

Я хочу мое обращение сделать содержательным, убедительным и трогательным.

Я хочу, чтобы люди поверили мне, и на этом фоне ощутили свое счастье.

Жить у себя на РОДИНЕ – это уже счастье.

Иметь возможность в любое время навестить могилы своих родителей – счастье.

Проснуться и каждый день смотреть на непризнанное чудо Света – гору Арарат – счастье.

Иметь возможность ходить по местам, где ты влюблялся в первый раз, целовался и был счастливым, тоже счастье.

Все «герои» настоящего эссе, по своему, несчастны, так как они все, в том числе и я, потеряли Родину. А самое страшное то, что они потеряли веру в то, что когда-либо навсегда вернутся туда.

Разве что в других мирах...

23.06.2012 г.

г. Брянск

В секретном архиве

Пять дней одной истории (отрывок из романа)

Видишь, как там судья издевается над глупым вором?
Заставь их перемениться местами.
Раз, два, три. Где теперь судья, где вор?

Уильям ШЕКСПИР.

И ты будешь волком на земле плодить,
И учить их вилять хвостом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, - потом!

А. ГАЛИЧ.

Хваленая немецкая техника оказалась непригодной и к декабрьскому снегопаду, и к дороге, и к обычному русскому морозу в минус двадцать. Тяжеленный, двухтонный «Майбах» – чудо европейской техники в сто сорок лошадиных сил о шести цилиндрах на снежном накате вел себя, как королева на льду. Тяжелый передок перевешивал, и малейшее движение руля на обледеневшей дороге провоцировало занос. Электрическая печка, приспособленная для мягких зим Рейнской долины, слабо справлялась с морозом, а обдув ветрового стекла не спасал от запотевания и обледенения.

Владимир Сергеевич «клюнул» на этот шикарный автомобиль случайно, увидев как-то раз, проезжая мимо академии Ворониллова, темно-синий кабриолет – «Майбах SW-38».

Быстро установили, что машина принадлежит герою Советского Союза, командиру девятого гвардейского корпуса, генерал-лейтенанту Рослому.

Владимир Сергеевич торжествовал – но вдруг, на Садовом его «Майбах» обогнал блистающий алюминиевым корпусом, никелированными спицами колёс, двухдверный «Хорьх» с Василием Сталиным за рулём – далее соревноваться было опасно.

Сегодняшняя срочная поездка, кроме дорожных неудобств, расстроила встречу Владимира Сергеевича с милой девушкой, Варенькой, крохотной балеринкой, отдающей его на квартире в Колпачном переулке. Он стал вспоминать её нежные упрёки в частых отлучках, её милые шалости в постели, детские капризы при копании в кучах вещей и белья, которыми он осыпал её... Тут нектати пришла в голову Луиза, немка из семьи учёного-химика, вывезенного из Германии, вместе с заводом. Он несколько раз ездил за ней в Подлипки, и хотя почти не знал немецкого, её: «Их бин фон Копф Фусс ауф либер ангештельт!», – полностью подтверждалось неутолимимым чувственным голодом и дикими фантазиями в любви.

Тут автомобиль качнуло, водитель, прошипев под нос ругательство, резко переложил руль, выводя машину из очередного заноса, и Владимир Сергеевич взглянул в окно. Они уже выбрались из Москвы и, прибавив скорость, ехали по пустому шоссе.

Водитель, верный слуга и телохранитель, допущенный к важнейшим государственным тайнам и личным секретам Владимира Сергеевича, пригодный для всего: начиная с выбивания показаний у арестованных, кончая написанием необходимых анонимок в органы, сказал тихонько: «Через час будем на месте...», – и включил приёмник, мельком проследив реакцию начальника на музыку из динамика.

Музыку Владимир Сергеевич любил, отдыхал под неё, а в молодости, без танцев под зажигательный мотив и дня прожить не мог. Сегодня, впрочем, даже энергичный опереточный дуэт не произвёл действия на государственного человека, известного и в Союзе, и за его пределами, внушающего ужас врагам коммунизма и дарующего надежду людям доброй воли всего мира. Тяжело задумался Владимир Сергеевич.

Сегодняшний срочный вызов был сделан по конспиративному каналу, человеком, демоном, преследующим Владимира Сергеевича, считай, всю жизнь. Первая встреча с ним, с дьяволом, с Дункелем, произошла в 1927 году, когда был Владимир Сергеевич, (с кличкой «Володька танцор»), простым стрелком 1-го отряда военно-промышленной охраны

ВСНХ СССР.

Володька тогда сцепился в драке со здоровенным хохлом Рабченко, покусившемся на девчонку, с которой гулял он. Было ему в ту пору девятнадцать, и хоть был он силен, с матерым бойцом сладить не смог, и изуродовал бы его озверевший пьяный мужик, но случился тут свидетелем расправы пожилой гражданин, на вид «из бывших», учитель или поднимай выше, профессор, но явно не «контрик». Прикрикнув на Рабченко, стал гражданин поднимать избитого с земли, но рукоусый не унимался и всё молотил почём зря кулаками. Володька уже плохо соображал после нокаута, и почти не видел толком ничего из-за разбитых в кровь носа, бровей, головы, но только понял, что Рабченко, вдруг отлетев, шагов на пять, ткнулся в землю, громко икнул и затих. Этот очкарик-профессор, назвавшись Дункелем, отвёл Володьку к себе, в квартиру на Арбате, остановил кровь, перевязал раны, словно был доктором, накормил, и долго занимал юношу расспросами.

Володька при всей своей молодости, был уже тёртым калачом, в ЧОНе успел послужить, знал, что можно, что нельзя, но тут вдруг, как прорвало – разговорился и рассказал всё, о чём спрашивал Дункель.

Со слезами, со всхлипами разбитого носа, с колотью в груди, через кашель отбитых в драке лёгких, рассказал о своём детстве, о том, как он, приписав в себе в метрике года, пошел в ЧОН, об участиях в экспроприациях ценностей отрядом охраны ВСНХ и многое другое, о чем болтать не надо было бы.

Вернувшись наутро в караулку и узнав от товарищей, что Рабченко найден мёртвым, зарезанным, прикинул, что к чему, и в ужасе, бросился к Дункелю. Тот совершенно его успокоил честным словом, но обязал слушаться во всё. Велел уволиться из стрелков, поступить на непильную работу и вступить в партию. Назначил дни, когда нужно приходиться к нему на учёбу, но с соблюдением правил конспирации.

Вначале, учил, словно был роднёю, но со временем стал жёстким в науке, и хотя никогда не кричал, а только смотрел тяжело из под круглых очков с толстыми линзами. Бросил этот взгляд Владимира в трепет, потел он как чахоточный пред смертью, даже иной раз воду пускал.

Внешностью своей Дункель тоже не радовал. Тяжёлая болезнью тайлась в нем, постоянно проявляясь недоумоганиями разного вида, чирьями на шее, опухающими суставами, внезапными судорогами. Видимо, от постоянного ожидания боли этот человек предпочитал неподвижность: сидел в глубоком кресле, но вдруг мог переместиться почти мгновенно и бесшумно в любое место комнаты. При всей кажущейся убогости он был очень силен, что однажды испытал на себе Владимир, заявившись пьяным к Дункелю на беседу – вышвырнул его старичок из парадного, словно пушинку. Наука же была сугубая – как преуспеть в жизни. Учился Володька врать и распознавать враньё, находить слабые места в человеческой натуре, входить в доверие, находить умысел в обиходе, сходиться с единомышленниками и всё такое...

Однако главное искусство, которым владел Дункель, а именно: способность внушать трепет и умение без принуждения вытянуть из собеседника душу – оказалось для Владимира Сергеевича недоступным.

Год за годом Владимир Сергеевич, делал всё, что требовал от него Дункель. Дункель же, взамен, щедро снабжал его сведениями по всем партийным делам, а когда пришло время, пристроил его через знакомых в ОГПУ оперуполномоченным.

Дальнейшее сотрудничество Владимира Сергеевича с «дьяволом во плоти», Дункелем, принесло быстрый карьерный рост, и подумывал уже оперуполномоченный 3-го отдела экономического управления ОГПУ «соскочить с крючка», но тут же оказался пойманным на должностном проступке

и под служебным расследованием. На первом же допросе увидел на столе дознавателя папку следственного дела с фамилией «Рабченко» и чуть не умер от страха...

Спас тогда его Дункель. Перевели Владимира Сергеевича без шума в Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, на должность оперуполномоченного 3-го отделения.

Машина резко свернула, закачалась... Владимир Сергеевич услышал, как автомат, лежавший на сиденье возле шофёра брякнулся на пол, водитель, чертыхнувшись, сказал: «Виноват, яма...не чистят трассу, сволочи...», а в свете фар стала видна узкая, в один ряд, дорога, ведущая в сосновый лес. Едва въехав под сосны, оказались перед шлагбаумом, но уже поднятом. Проскочили караульную будку с силуэтом часового внутри, проехали мимо исполинской конструкции съехавшего с дороги в кювет грейдера, видимо, замешкавшегося при расчистке трассы.

В свете фар замельтешили снежинки, кратковременно присаживались на ветровое стекло, а потом улетали в черноту за машиной. Затем снегопад усилился.

В приёмнике запел тенор: «Све-етит со-олнышко на небе ясное...». Владимир Сергеевич хмыкнул (не любил он высокие мужских голосов). Водитель сразу понял, крутанул верньер настойки приёмника. Бархатный голос объявил: «...театр у микрофона».

Владимир Сергеевич закурил папиросу и вслушался.

– «О вы, цепные мудрецы,
Мне внятна ваша речь,
– Восстанут эти мертвецы,
А нас покосит меч.
И полевые мужики,
«Ворочая бразды»,
Вкопают в прах, как васильки,
Кровавых дел следы».

Очень не понравился этот стишок Владимиру Сергеевичу. Затянувшись, он смял папиросу в пепельнице, не докурив как обычно до конца, и по этому движению водитель понял, что начальник не доволен, нажал клавишу приёмника, переключив диапазон. Зарубежная радиостанция крутила любимые Владимиром Сергеевичем фокстроты, но испорченное дурацким стишком настроение, эта перемена не улучшила.

«Спас-то спас...», - подумал Владимир Сергеевич, «...но отрабатывать заставил».

Прятал Владимир Сергеевич «зека» в дальних лагерях от смерти, посылал иных на верную гибель, вытаскивал на волю по подложным документам тех, кого требовал Дункель...накопбал так, что уже и под расстрел мог попасть. Но Дункель сменил гнев на милость и в тридцать седьмом, в самое страшное время, «двинул» опекаемого из исполнителей в руководство НКВД. Уже в тридцать девятом, при замнаркома Берии, был назначен Владимир Сергеевич начальником областного управления НКВД. Большая должность...

Но трудностей прибавилось. Как ни старался над ним Дункель, у Владимира Сергеевича прихрамывала память. Собираясь в Москву на доклад к начальству, он судорожно, шевеля губами, зазубривал относящиеся к делу цифры, даты и факты и все равно не раз попадал впросяк. Разрабатывавшиеся лично им операции никогда не отличались особым изяществом. Тонких многоходовых комбинаций продумывать и организовывать он не любил и не умел. Подход был кавалерийский: руби – и делу конец. Он считал, что чем проще операция, тем лучше.

Если бы ни Дункель – погорел бы и не раз – а за каждым таким «погорел» – тюрьма, а то и пуля.

103

Запросы Дункеля тоже возросли. Выслушав очередную истерическую исповедь Владимира Сергеевича, и дав спастительные инструкции, требовал вдруг Дункель оригиналы следственных дел за него одного, то на другого изменника родины. Запрещал арестовывать явных «врагов народа», но, взамен «сдавал» контрреволюционную сволочь такого калибра, и в таком количестве, что другие «областники» от зависти сатанели.

Лаврентий Павлович, оценив показатели, забрал Владимира Сергеевича в центральный аппарат. Правда, оговорился, доверительно, что Маленков был против, но тут вступился якобы за него некий Адольф Семёнович, против рекомендаций которого у Маленкова кишка оказалась тонка.

После назначения на следующий же день 26 февраля сорок первого, как чёрт из табакерки, выскочил Дункель, заблестел лысиной, засверкал очками и потребовал передать часть агентуры в Германии и Англии ему...

— Вот список... — сказал.

Тогда, впервые Владимир Сергеевич понял, что тягаться с Дункелем себе дороже, и понадеялся на скорую смерть старика, тем более, что выглядел Дункель совершенной мумией — абсолютной лысый, безбровый, в черт-те каких очках, скрипящий суставами при каждом движении...

По лагерному — «доходяга»...

«Приехали, Владимир Сергеевич», — сказал водитель.

Машина остановилась. Владимир Сергеевич запахло попленнее мохнатое пальто, готовясь шагнуть на мороз. Дверцу отворили снаружи, и пожилой полковник, совершенно нестрогого вида, полностью протитуловал Владимира Сергеевича, после приветствия доложил: «Гостя встретили, доставили, ждет вас. Там порученец, Соловьёв, наблюдает...».

Вышагнув из «Майбаха» Владимир Сергеевич оказался на мощенной площадке перед симпатичным коттеджем, освещённым парой мощных прожекторов, укрепленных на ближайших соснах. Неподалёку стоял «Опель-Капитан», уже заметно присыпанный снегом.

— С час стоит..., — определил.

Перед входом в дом пара военных в меховых полушубках и с автоматами за спиной суматошно сгребали снег.

«Бросьте, ребята, а то взопреете, потом мёрзнуть станете» — сказал им добродушно Владимир Сергеевич и на ходу, покачивая головой, чтобы размять шею, затёкшую после долгого сидения в машине, прошёл в отворённую перед ним дверь.

В освещённой прихожей с конторкой порученца, сразу почувствовав сухое тепло калориферов, сбросил пальто на руки Соловьёву и остановился на секунду перед зеркалом. Диктор по радио вдохновенно рассказывал «О проведёнии денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары», что никаким образом не касалось Владимира Сергеевича, знал он о ней загодя и подготовился соответственно. Занимал его сейчас прыщик на подбородке, уменьшающий значительное выражение лица.

Цивильный твидовый костюм, сшитый знаменитым варшавским портным подчёркивал и стать, и государственную должность. Батист рубашки, прикрытый шёлковым галстуком, нигде не морщил, воротничок был чист, торчал на два пальца выше пиджачного воротника.

Чуть поправил платочек в кармане, ослабил узел галстука...

Улыбнулся своему отражению, потом сделал «каменное» лицо и подумал, что всё-таки жаль, что он генерал, а не адмирал, каковым был его недавний противник в разведке Вильгельм Канарис. Очень бы подошёл ему чёрный флотский мундир с золотым позументом! Отодвинул плечом чуть замешкавшего Соловьёва, сам открыл дверь в комнату и, вдруг ощутив холодок в спине, вошёл.

Освещение в комнате было притушено: люстра не горела, только настенные бра освещали две стены, оставляя центр комнаты в полумраке. Тонкая ниточка желтого света от прожектора снаружи пробивалась в занавеси окна и оканчивалась на полу возле кресла, в котором сидел человек. Владимир Сергеевич сначала услышал сипящее дыхание, сидевшего в кресле, и сразу почувствовал его «стариковский» запах — испорченных лёгких, большого желудка, скверных почек. Затем глаза привыкли к темноте, и он увидел совершенно неподвижное белое лицо Дункеля, выглядевшее гипсовой маской на тёмном фоне высокой спинки кресла. Тёмные очки на лице у Дункеля выглядели круглыми дырами в маске.

Первые секунды всех свиданий с Дункелем были затруднительными для Владимира Сергеевича — называть его просто «Дункелем» он почему-то стеснялся, а насчёт имени — отчества, так на таковой вопрос Дункель ответил, что, мол, это ему всё равно, и предложил самому придумать и имя, и отчество. Перебрав несколько сочетаний, остановился Владимир Сергеевич на традиционном для агентуры «Иване Ивановиче», хотя сам понимал, что такой довесок никак не гармонирует с немецкой (или какой там нации...) фамилией.

Он, почти увязая высокими каблуками в толстом ворсе ковра, шагнул к креслу с заранее протянутой рукой, и, сделав некоторое усилие в голосе, произнёс приветствие. Вышло хрипловато и неискренне, но маска шевельнулась, продвинулась вперёд от спинки кресла, превратилась в обычное старческое лицо, но уже человеческое, даже с улыбкой. Матовые абажуры светильников отразились в зелёных стёклах очков Дункеля, из кресла протянулась худая рука и, остановив в движении руку Владимира Сергеевича, крепко охватила запястье.

— «Заждался я тебя, Володька...», — тихо произнёс Иван Иванович, — «...даже проголодаться успел. Давай-ка, что есть в печи, всё на стол мечи».

Неприятный запах куда-то исчез. От Дункеля пахло креп-

ким одеколоном, но не обыкновенным «Шипром» или «Гвардейским», а каким-то можжевеловым или мускусным, как от английских дипломатов.

Владимир Сергеевич, приняв игру, радушнейше улыбнулся, как давеча перед зеркалом в прихожей, нажал ногой кнопку и показал возникшему в проёме двери Соловьёву на столик с колёсиками, стоявший возле двери. Пока самолитно переставлял резной (из немецкого рыцарского замка!) стул поближе к креслу Дункеля, Соловьёв уже бесшумно подкатывал к ним столик с провизией, приборами и графинами. Вышло удачно. Дункель сидел в низком кресле, напротив настенного светильника, а «Володька» занял «господствующую высоту» на стуле и находился в собственной тени.

— Темно тут у тебя...как...как бы мимо рта не пронести..., — с ехидцей сказал старый «хитрован», — ...скажи хлопцу, чтобы верхний свет зажёл.

Соловьёв, (балбес!), без команды бросился к стене и повернул выключатель. Мгновенно диспозиция поменялась. Владимир Сергеевич оказался сидящим лицом к хрустальным переливам ярких ламп люстры, а Дункель, откинувшись к спинке кресла, сделался почти невидим. Чтобы посмотреть ему в лицо, Владимиру Сергеевичу пришлось нагнуться и исподлобья, прищурясь, вглядываться.

Владимир Сергеевич отослал «балбеса» и налил в хрустальные стаканы доверху «Варцихе», подождал, пока Дункель возьмёт один из них, убедился, что дрожащая стариковская рука освоилась с предметом и проникновенно произнёс: «За встречу старых друзей, за всё прожитое и пережитое, будьте здоровы!». Чокаться не стал, знал, что такой обычай Дункель не любит, и уже начав пить, подсмотрел, как его «заклятый друг» одним махом выпил коньяк, четко, совершенно бесшумно, установил пустой стакан на то же место стола, откуда принял, и, не закусив, замер в кресле.

Проглотив наспех остатки напитка, что есть силы изображая радушие, Владимир Сергеевич стал мазать для Дункеля икрую булочку, подсунил ему блюдечко с жареным миндалём, уговаривал откусать, суетился и всё такое...

Налил по «второй», набрал воздуха побольше, и хотел было, по привычке гаркнуть: «За мудрою и великою...», но, увидев ехидную улыбку гостя, молча, выпил в одиночку, и, дождавшись огненной вспышки в желудке, впился зубами в ломоть окорока. Съел пару кусков осетрины, потом ещё толику дырявого сыра вперемежку с парой ложек чёрной икры. Ел, стараясь забыть о неприятном и неизбежном — сейчас потребует от него Дункель очередного предательства, а то и перехода на сторону врага.

Однако, закусив как следует, успокоился, деликатно (постарался!), рыгнул и, протягивая Дункелю коробочку новых модных безмундштучных папирос даже пошутил: «...если здоровье позволяет...».

Дункель, к его удивлению, легко прикурил сигарету от настольной зажигалки, выпустил дымное колечко изо рта, и, одновременно, отпивая помаленьку из стакана, покуривал себе с видимым удовольствием. Ну, что ж, генерал тоже закурил папиросу и стал ждать, когда Дункель скажет нечто для «затравки».

Помолчали... Дункель, изрядно подымив, сунул окурок в недопитый коньяк, посмотрел, приподняв на секунду свои «телескопы» ко лбу, бесцветными слезящимися глазами на генерала, и с грустным волнением вдруг сказал:

— Давай дружить, вспомним наше прошлое, как мы с тобой не жалея себя боролись за советскую власть, как недосяга и недоеда били внутренних и внешних врагов. Как ломали хребет фашистскому зверю... Я-то — больше по тылам, а ты-то ведь на фронте в противоборстве с коварным и хитрым врагом, с его наймитами. Обыграл ты «Абвер» по всем мастям... — в этом месте своего «спича» Дункель сдвинул перед собой ладоши, обозначая аллодисменты. — ...Ну, не скромничай...не смущайся. Всё, всё про тебя знаю, знаю и горжусь своим учеником и другом. Не берёт ты себя, никогда, на передний край рвался, рискуя головой своею. Помнишь, как чуть было не подорвался на mine, когда искал бункер Гитлера в Красном бору? Помнишь, как в сорок пятом, под Растенбургом в последней ставке Гитлера среди взорванного бетона и недобитых «Вервольфов» рисковал жизнью? Видать, не зря рисковал, так видно нужно было для победы... Ну, так давай выпьем за победу...за нашу победу!

Тут пресловутый Иван Иванович посмотрел недоумённо на недопитый им самим стакан с разстравленным сигаретным окурком внутри, огорчился безмерно, даже руки развёл в стороны и смущённо сказал: «...как это я так, неаккуратно... видно старость пришла... Ну, Володенька, налей-ка по первенькой!».

Что-то внутри кольнуло у Владимира Сергеевича. Мало того, что это самое: — «...за нашу победу...» было цитатой из фильма «Подвиг разведчика», против демонстрации которого он выступал, так как искренне считал, что там разглашаются методы агентурной разведки, более того, автор этой самой фразы, полковник четвёртого управления НКВД Маклярский «увёл» операцию по дезинформации немцев у СМЕРШа в 1944 году, да ещё и получил за «радиоигру» небывалую награду для «нквздешника» — орден Суворова. Беспокойство было связано и со славолюбием Дункеля по поводу героизма на развалинах ставок Гитлера. «Подбор» совпадал с мрачной историей должностного проступка, дамочным мечом, висевшим над генералом по сей час. Однако налил Владимир Сергеевич в подвернувшийся чешский винный бокал коньяку Дункелю, а себе «Столичной» — для перемены.

«Расслабления мозгов» от опьянения, он не боялся. Во-первых, знал, что «прослушки» в помещении нет — в этом клятвенно его заверил старик Селивановский, специалист по секретной технике. А во-вторых — «сболтнуть» лишнее Дункелю было невозможно, хуже было — бы что-то утаить.

Решил тогда Владимир Сергеевич сыграть в психологию. Поднялся со своего теutonского трона, подставил бокал с коньяком поближе к Дункелю, дождался момента когда он чуть приподнял его от стола, и старательно, чтобы было громче, стукнул своим стаканом по уникальному «баккара», в руке у Дункеля, и с артикуляцией произнес непонятное самому «алаверды...», припоминая слышанное подобное на каком-то банкете от лауреата проговорил: «Во-первых, для меня большая честь услышать признательные слова от старейшего большевика, соратника и учителя; во-вторых, — победа над фашизмом и гитлеризмом под руководством коммунистической партии, руководимой великим Сталиным с напряжением всех сил, самоотверженностью народа и беззастенчивым служением великой цели есть победа социализма во всём мире; а в третьих, впереди нас ожидают сражения с империализмом, которые потребуют от нас ещё большего героизма и патриотического порыва народа-победителя в свершении новых побед...». Вышло здорово. Он выпил водку залпом, резко выдохнул горячий водочный воздух и победительно, сверху, посмотрел на Дункеля.

Тот помочил свои синие губы в коньяке, промокнул их салфеточкой и, рассматривая замысловатый вензель на салфетке, сказал: «Брось ты нумеровать свои глупости, Владимир Сергеевич... Воевать придётся со всем миром, и не побед нужно ждать, а стараться избежать поражения. Твой новый противник — центральное разведывательное управление. Его пролетарским интернационализмом не купишь, а в новых условиях твои методы бесполезны, а репутация вообще никакая. Как был вертухаем, так им и остался. Заплечных дел мастер... В новой идеологической войне нужны мозги, логика, а из тебя, держиморды, кроме условных рефлексов ничего не выжать».

Их советолог Конквист в своих исследованиях о тебе мелком пишет, что, мол, благодаря трусливому бегству руководства НКВД в сорок первом перед сдачей Смоленска партийный архив Смоленской области доступен теперь для изучения американским историкам. Из Америки архив не вывезешь, а «Хозяину» теперь не соврёшь, что архив сгорел в подвалах...

Владимир Сергеевич почувствовал, что умирает. Он вспомнил безумную суматоху эвакуации из Смоленска в сорок первом, брошенные эшелоны, взорванные перед беженцами мосты через Днепр... Он вспомнил апрель сорок второго, когда от расстрела его спас случайный телефонный звонок Жукова Сталину о взятии по приказу главкомандующего безымянной высоты в срок и с минимальными потерями, вспомнил о клятвенном своём обещании вернуть архив в Смоленск или умереть, вспомнил бессмысленную трату агентуры в «рейхе», «пробивающей» данные о местоположении вывезенного немцами партийного архива и ужаснулся. Завтра, или уже сегодня окажется он в спецтюрьме, а Берия ежедневно будет аккуратно подкладывать Иосифу Виссарионовичу листки протоколов с его чисто-сердечными признаниями в совершении государственных преступлений. Свет перед ним померк, желудок скрутила судорога, выпитая водка извергнулась из желудка в рот и оно, он едва успел повернуть голову в сторону от стола, заплывал ковёр, измазался отвратительной слизью, вытирая рот. Едва удержался на ногах...

Он плюхнулся на стул, ощущая, как отекает лицо, с мокро-го подбородка стекает, заполнившая рот, горькая слюна, а вслед за тем, как рубашка прилипла к спине, почувствовал кислый запах своего пота. Хотел откашляться, но только простонал.

Дункель, кажется, не заметил, что происходит с Владимиром Сергеевичем, а отпил немного из бокала и сказал непонятное:

— Ну, хватит судибоби класть...

Ты мне завтра доставь, все, что у тебя скопилось по архиву, и больше в это дело не суйся. Подготовь справку о «демонтажниках» из «Пищепрома», — какие предприятия вывозились из районов Кёльна, Мюнхена и Кюстрина в сорок шестом — сорок седьмом и куда отправлены.

Срочно разыщи Петроса, Марата Львовича, заведи на него «формуляр» и запи его понадежнее за какиенибудь грешки. Очень этот означенный Петрос озабочен поиском Смоленского архива, как бы не «протекло» наверх. Мне это помешает, а для тебя это вообще «аллес». Все что у тебя осталось от разведывательной агентуры в Германии законсервируй под меня. Я последний раз с тобой выжусь в подобных обстоятельствах, Дункель тебе больше не нужен... Последний мой совет тебе — забудь всё, и если можешь, беги куда-нибудь подальше. Долго ты не протянешь — «Заехал в целик, да наклал воз велик — и ни с места». Утри сопли, выпей водки и зови своих «нукеров» — пусть проведут меня до машины».

Владимир Сергеевич, плохо соображая, плотнул «Столичной» из горлышка, вслепую зашарил по столу, не глядя, что-то сунул в рот, а вместо того, чтобы встать и нажать потайную кнопку вызова на полу закричал в сторону двери: «Эй...эй!».

На крик вбежал молоденький военный, лейтенант, замер у входа. Владимир Сергеевич, не поднимая лица, и отвернувшись к окну, сипло, (связки, ободранные рвотой, не работали) сказал: «Ивана Ивановича проводи. Машину сопровождать со всей тщательностью. С дороги всех убраться... Исполняйте...»

Звон курантов из коридорного радиоприёмника обозначил полночь.

Дункель встал, зелёные очки его по кошачьи засветились под люстрой, он, кряхтя и прихрамывая двинулся к двери, и уже выходя в прихожую мимо военного, сказал, обращаясь к нему: «Девка пятится, дура рядится, а баба ладится. Меньше жить — меньше грешить, так-то, сынок!», и под звуки государственного гимна СССР исчез навсегда.

2009 г.

Ирина КОМАРОВА.

ФОКУСЫ ДРОССЕЛЬМАЙЕРОВ



Таланты и гении беззащитны. Умершие - вдесятеро. Их биографии могут оглуляться и перевираться, цитаты вырываются из контекста и толковаться превратно, клевета становится частью биографий, могилы оскверняются и опустошаются и сам их прах превращается в объект спекуляций. Но им уж не отбиться от наветов. Потому что ушли.

Для творческих ничтожеств и невежд искаженные биографии великих - наилучшее место для самоутверждения: «Пусть я не хватаю звезд с небес, зато я не клятвопреступник (вор; мошенник; транссексуал; политический авантюрист), как он!» Зато для политтехнологов жизнь и могилы титанов - площадка для мерзких шабашей, где на завкашенной на сплетнях жирной парадигме возвращается новая - не менее отвратительная - клюква нравственной вседозволенности, и процесс возвращается обратно по заданной цепочке с перепутанными на ходу плюсом и минусом. Из постулированной легенды о криминальности и педерастичности гениев рождается перепостулированный лозунг глобальной политики: «Дорогу - геям и транссексуалам! Дорогу широко - раз уж ими были такие величины, как Александр Македонский, Леонардо да Винчи, Петр Ильич Чайковский, и отнюдь не гении, но всё же Дольче с Габбаной!» Спросить политтехнологов, а была ли у них, как говорится, свечка в руках при наблюдении за возможными сексуальными играми великих, никто не удосужится. Произнесенный шепотком и помноженный на печатные пасквили оговор обладает магической силой внушения! А потому при упоминании автора божественной музыки простофили делают губы бантиком, брови - домиком и многозначительно бросают: «Конечно же, Чайковский - великий лирик... А как же: они же все такие!»

Итак, попробуем разобраться с биографией внука, уроженца Каменец-Подольска казака Петра Гайковского - Петра Ильича Чайковского, который, будучи правоведем, за три года одолел курс Московской консерватории, в двадцать пять лет стал ее профессором, а за оставшиеся двадцать восемь успел написать учебник по музыкальной гармонии, 11 опер, 6 симфоний, десятки симфонических поэм, камерных ансамблей, концертов для скрипки и фортепьяно, кроме того - стать почетным доктором Кембриджского и других европейских университетов и основать школу русского классического балета, создав для него такие шедевры, как «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик». Лев Толстой плакал, слушая его музыку на концерте, устроенном в свою честь, и единственное, что попросил у него в ответ Чайковский, - томик «Казаков» в подарок.

В возрасте двадцати восьми лет Чайковский знакомится с обладательницей невероятно богатого сопрано, французской певицей Дезире Арто, племянницей обосновавшегося в Бельгии блестящего музыканта Овсепя Арно. Вспыхивает любовь, счастливые женихи с невестой объявляют о помолвке. Но зависть к гениальному композитору набирает обороты среди добившихся в музыкальном мире высоких административных постов, но не создавших ничего значимого заклятых друзей. Вдогонку уехавшей на гастроли Дезире летит письмо «доброжелателей» с гнусными описаниями пьянства и развратности Чайковского, та в ужасе отрывается от него и вскорости выходит замуж за испанского баритона.

Лично мне это письмо напоминает «шутку» Никиты Богословского, пожаловавшегося от имени М. Лягран в Союз композиторов и Министерство культуры СССР на Микаэла Таривердиева, якобы списавшего у него музыку к фильму «Семнадцать мгновений весны». Пока разбирались, что - откуда, пока органы советского сыска уличили злопыхателя в подлоге, концерты Таривердиева были отменены, телевизионный эфир закрыт для него, имя было вычеркнуто из списка лауреатов Госпремии за фильм, во многом обязанный успехом именно его музыке, и так до конца жизни он не сумел отмыться от грязного поклепа в глазах доверчивых обывателей. А Богословский объяснил содеянное веселым розыгрышем. И всё тут.

Но вернемся к Чайковскому, которого начинает преследовать психопатка Антонина Милюкова, тайно сожительствующая с безработным юристом Александром Шлыковым. В дальнейшем она наживет от Шлыкова трех внебрачных детей, которых сама сдаст в приют, где они и умрут; будет долго ухаживать за смертельно больным сожителем; двадцать лет проведет в сумасшедшем доме. Словом, Бог на

кажет ее по полной программе. Но пока они со Шлыковым и при тайном покровительстве Н. Рубинштейна приступают к проекту уничтожения музыкального гения. Мещаночка старательно подкарауливает Петра Ильича на дороге, пишет ему признания в любви. Покинутый высококультурной Дезире, Чайковский сторонится вульгарной Антонины и пишет своему брату Модесту: «Кандидатки на супружество со мной сменяются ежеминутно, - но ни на ком не могу остановиться. Одна девушка даже сама письменно предложила мне руку и сердце, объяснив, что уже три года влюблена в меня страстно. Она в письме своем обещала быть моей «рабой» и присовокупляет, что имеет десять тысяч капитала. Я ее когда-то видел и помню, что она смазлива, но противна. Вследствие того я ей объявил решительный отказ». Однако Милюкова по-деловому настойчива: «То, что мне понравилось в Вас, я более не найду ни в ком, да, одним словом, я не хочу смотреть ни на одного мужчину после Вас... Жить без Вас я не могу, а потому скоро, может, кончучу с собой...». Заменявшая белую лебедь-Дезире Одилия гипнотически машет черными крыльями, и музыкальный гений попадает в силки опытных птицеводов, пожалев суицидальную девицу и женившись на ней.

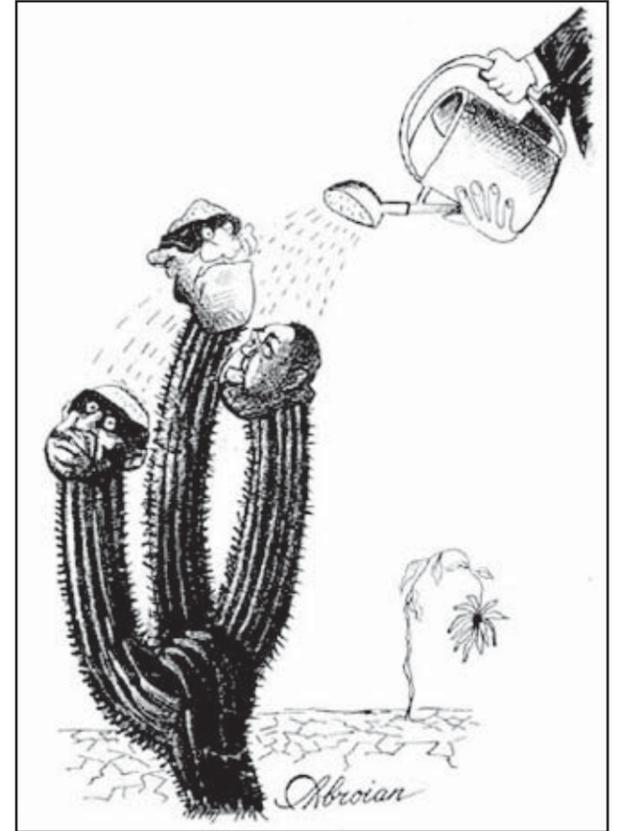
Привезя жену к себе в дом и оставшись наедине с испорченной до мозга костей манерной дурой, которой не были интересны ни музыка его, ни душа, Чайковский поначалу тоскует, а затем в панике уезжает из Клина. В письмах к братьям он объясняет: «Я не встречал более противного человеческого существа... Она мне ненавистна, ненавист-



на до умопомешательства... это омерзительное творение природы...» Биограф Чайковского А. Альшванг подтверждает: «Она была абсолютно чужда интересам, наполнявшим жизнь композитора. Судя по воспоминаниям людей, встречавшихся с ней, и по ее собственным воспоминаниям о Чайковском, можно заключить, что в ее крайней ограниченности и нелепости жизненного поведения сказывались уже предвестники душевной болезни, сведшей ее в могилу».

Альшванг наивен в своих умозаключениях: дело не в самой Милюковой, а в запущенной программе по шельмованию композитора - с использованием классического «женского фактора». Уже наступает час таинственного фокусника Дроссельмайера, готового превратить музыкального гения в беспомощного Щелкунчика. Чайковский пытается развестись с Милюковой, та обращается в суд с встречным иском, требуя с него десять тысяч рублей - только потому, что упомянула их в своем письме, а потому вроде бы взятых с собою. Денег она, конечно, не имела, развода не дала, но заодно присовокупила к иску письмо, где желающий развода Чайковский снисходительно заверяет ее в братской любви. Таким образом, она обвиняет его в холодности к женщинам как таковым. Старания ее сожителя юриста Шлыкова венчаются успехом: Чайковского приговаривают к «возврату 10.000 рублей» и пожизненной пенсии авантюристке, до гроба носившей гордый титул первой и последней жены Петра Ильича Чайковского. «С того времени, - пишет ученик Чайковского Танеев, - началась скитальческая жизнь Петра Ильича. Бывая за границей, он тосковал по родине, но и в России подолгу не засиживался». И только назначенная образованной армянкой Надеждой Филаретовной фон Мекк ежегодная пенсия в шесть тысяч рублей и вдогонку - три тысячи, назначенные императором Александром, спасли Чайковского от нищеты.

Конечно, у читателя может сложиться впечатление, что я просто пытаюсь обелить любимого композитора. И вправду пытаюсь. А потому расскажу-ка вам интересную историю из биографии Антонины Милюковой. Дело в том, что и мать ее Ольга Никаноровна, и родная сестра Елизавета имели обыкновение рожать внебрачных детей и сдавать их в приюты. Причем мамаша Ольга Никаноровна рожала детей сначала от законного мужа, Милюкова, но затем, выставленная им из дому посреди ночи по причине позднего и пьяного возвращения с гулянки, выкрала семилетнюю Антонину и поселилась с ней. И продолжала рожать. Скорее всего, Милюков был хорошим отцом. Потому что его возмутило не столько поведение жены, сколько риск оставить с ней маленькую дочку, которая может перенять поведение матери. Как в воду глядел. И он подал на нее в суд, требуя возвращения ребенка. Но тут - внимание! - начинается партия фокусника Дроссельмайера, и беспутная жена выступает с ответным иском. Суть иска сводится к тому, что отец подложкины детей Милюков был гомосексуален и жил с их дворовым человеком. Явившийся на допрос прислужник



подтвердил сказанное на суде.

Вам эта история ничего не напоминает? Мне лично этот трафаретный сценарий напоминает травлю не только Чайковского, но и других гениев: Леонардо да Винчи и Рембрандта Арменса ван Рейна. Последний, правда, не обвинялся в мужеложестве, но стал банкротом в результате поклепа домашней прислуги, приведшей в суд двух лжесвидетелей его обещания жениться на ней. Решением суда гений мировой живописи лишился дома, всех своих полотен и влачил нищенское существование до конца жизни.

Доминику Стросс-Кану жирно будет, конечно, становиться в один ряд с великими гуманистами прошлого. Ничего его не роднит с ними, кроме одного: типичного сценария травли значимой фигуры (правда, не культурной, а политической) с привлечением продажных во всех смыслах дам. Тот же сценарий впечатался в судьбу основателя «Викиликс» Джулиана Ассанжа, все еще томящегося под домашним арестом в Великобритании. Да, фокусники не изобретательны в деталях, зато реально продвинулись в масштабах.

А потому байки о неуклонном прогрессе человечества уже вызывают саркастические улыбки у людей с мозгами: мы вправе говорить лишь о прогрессе техническом. Да и тот, озаменованный андронными коллапсерами, лазерной терапией и айфонами, в том же ряду содержит расстрельные самолеты-беспилотники и поистине дьявольские телевизионные сети политтехнологов, призванные низвергнуть человека в положение низменного скота, падающего на байки о скотстве гениев и антигуманистические лозунги о глобальном гуманизме по-новому.

Складывается устойчивое впечатление, что уродливые физиономии руководящих дам и уродства в отношениях полов - основные кадровые требования при наборах сотрудников в администрациях западных сверхдержав. При этом политические деятели и политтехнологи нетрадиционной ориентации активно вводят моду на себе подобных по всему миру, как если бы безруким и безногим стимулировали усеменение конечностей. А демократический лозунг «Все разные - все равные» сегодня вовсе не имеет отношения к разным расам и этносам, идеологиям и верованиям, а прочно приватизирован исключительно лесбиянками и геями. Теми самыми людьми, что до 1990 года числились в реестре Всемирной организации здравоохранения как носители генетической болезни, ведущей к отклонениям в сексуальных влечениях. По странному совпадению, болезнь была изъята из списка ВОЗ как раз накануне падения СССР и крушения социалистического лагеря, когда следовало взять в идейную переработку и перелицовку народы аж пятнадцать вновь образованных государств и почти столько же - перепрофилированных из социалистических в капиталистические. Фактически условием независимой государственности явилась неумолимая борьба за «права человека», однако не того, что «звучит гордо», а в первую очередь за право вычеркнуть из уголовных кодексов этих стран проституцию, ростовщичество, наркоманию, лесбиянство, мужеложество, азартные игры, религиозные секты и тотализаторы. При этом попытки остающихся в меньшинстве сапиенсов отстоять богоданные нормы взаимоотношений между полами и другие моральные рудименты семьи стали клеймиться как национализм, фашизм и прочие еретические измы.

Дело, как всегда, доходит до смешного и, как всегда, - в США. Фотография главы Белого дома с подписью «Барак Обама - первый президент-гей» и радужным нимбом над головой размещена на обложке номера журнала Newsweek за 21 мая. Автор комплимента - известный американский журналист Эндрю Салливан, не скрывающий своей не-

200 ЛЕТ РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОМОГАЮТ ОХРАНЯТЬ АРМЯНО-ТУРЕЦКУЮ ГРАНИЦУ



ПОГРАНИЧНИК РЕКС НА АРАКСЕ

Арташат – древняя столица Армении – расположен недалеко от современной границы с Турцией. Немалых двести лет границу с недружественной страной продолжают охранять воины – русские и армяне. Сегодня некоторая напряженность на границе связана с угрозой агрессии против Ирана: Турция уже не скрывает своего участия в уничтожении стратегического партнера Ирана на Арабском востоке – Сирии.

Система охраны государственной границы Армении с Турцией (330 км) и Ираном (45 км) полностью сохранилась со времен СССР. Основой для нынешнего пребывания здесь российских пограничников является Межгосударственный договор о статусе пограничных войск России на территории республики, заключенный в Ереване 30 сентября 1992 года. Власти Армении считают присутствие российских пограничников в республике, наряду с российской военной базой, важной составляющей национальной безопасности страны.

Пограничное Управление ФСБ РФ в Армении включает 4 пограничных отряда – в Гюмри, Армавире, Арташате и Мегри, а также отдельный контрольно-пропускной пункт в ереванском международном аэропорту «Звартноц». Содержание российских пограничников в Армении обеспечивается правительствами двух государств примерно в равной пропорции. Арташатский погранотряд охраняет границу с Турцией с 1955 года. Славится своими боевыми успехами. Руководит им сегодня полковник Зянчурин Вильсур Гумарович. Его первый заместитель и начальник штаба Игорь Геннадиевич Никитенко предоставил нам историческую справку об отряде.

Арташатский пограничный отряд сформирован 25 июня 1955 года приказом МВД СССР. До этого заставы входили в состав Октемберянского (Армавирского) погранотряда. Охраняют участок границы с Турцией протяженностью более 70 км по реке Аракс. 28 октября 1956 года приказом Верховного Совета СССР отряд был вручено Боевое Красное знамя. В июле 1957 отряд был передан в подчинение Армянского пограничного округа пограничных войск КГБ СССР.

Уже в год своего образования отряд ликвидировал несколько бандитских групп. В 1958 году заставе «Арагат» было присвоено имя ефрейтора Александра Корякова, совершившего ценой своей жизни подвиг в боевом столкновении с нарушителями госграницы 2 августа 1948 года. В последние годы, начиная с 1995-го, задержано более 100 нарушителей государственной границы.

По словам Никитенко, в укреплении добрых отношений с местным населением огромную роль сыграл командир отряда полковник Зянчурин. По его инициативе в общеобразовательных школах приграничных городов и сел Араратской области были восстановлены забытые многими отрядами юных друзей пограничников. «Помнится, когда на одном из совещаний Вильсур Гумарович высказал мнение о том, что наш отряд имеет все возможности для того, чтобы претендовать на звание «Лучшая часть» Погрануправления ФСБ России в Армении, кое-кто воспринял это скептически. Он как настоящий лидер смог заинтересовать людей этой идеей. В результате мы не только достигли этой цели, но и сохранили за собой штандарт еще на один год. При его непосредственном участии был разработан и утвержден Кодекс чести воинов Арташатского отряда», – рассказывает начальник штаба.

Территория погранотряда чистая, деревья на тенистых аллеях посажены в том числе и почетными гостями, среди которых – второй президент Армении Роберт Кочарян и дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт генерал-майор Виктор Горбатко. Рядом со стендами с портретами военачальников – фотографии президентов Сержа Саргсяна и Владимира Путина.

Для очередной проверки степени боеготовности лично состава одного из подразделений Арташатского отряда



была выбрана застава под условным названием «Аракс». Охрану государственной границы наряду с личным составом заставы несут три овчарки, среди которых, почувствовав посторонних, выделяется агрессивностью Рекс, демонстрирующий клыки.

Рекс – преданная, верная своему делу немецкая овчарка. Уникальное обоняние, огромная скорость, с которой пес может передвигаться, и другие качества, помогающие пограничникам ловить самых хитрых и опасных нарушителей границы, превратили Рекса в одного из «сотрудников» заставы. Он всегда на страже и готов защитить свою территорию от турецкого посягательства. А в свободное время может расслабиться, как любой другой его сородич.

...Поступил сигнал о нарушении границы, объявлена учебная тревога. Застава поднята в ружье. Тревожная группа на автомашине выдвинулась к месту нарушения госграницы. Старший группы – капитан Никита Дементьев, обнаружив следы, определил направление движения нарушителя. Рекс поставлен на след, началось преследование. В результате своевременных, умелых действий тревожной группы «враг» был задержан. Граница Армении с Турцией на надежном замке.

Александр ГРИГОРЯН.

120

традиционной сексуальной ориентации. А сам президент, сделавший накануне заявление в поддержку легализации однополых браков, пусть только попробует возмутиться по поводу анонса: за что боролся, на то и напоролся. Да еще как!

Однако и от смешного до трагического – один шаг, и мы, к сожалению, встали на путь его преодоления. Уже появляются местные мешаночки милюковы, готовые за гранты и скандальную славу затевать парады пошлости и выставки однобокой бездарности вместо живописи. И председатели наших творческих союзов оказываются падкими на жирные подачки за проведение подобных выставок, предоставление укромных уголков для религиозных сект и награждение их руководителей почетными литературными премиями. Это творческие-то союзы, всегда являвшиеся средоточием тех великих мудрецов и провидцев, что вековечно откликались на опасные моменты в нашей истории и направляли современников! Однако сегодня именно они оказались наиболее уязвимой частью нашей интеллигенции. Потому что бездарность, призванная управлять талантами, способна только множить бездарность и смуту. Отобранные и удержавшиеся в своих креслах не за творческие таланты и способность их возвращать, а за талант подкакивать, сегодня именно руководители некоторых наших творческих союзов подобны испорченным компасам, намагниченным исключительно на подачки зарубежных грантополучателей и аналогичных больших начальников. На фокусников Дросельмайеров, готовых обратить нас в беспомощных щелкунчиков. На днях я перевела стихи Амо Сагияна, которые звучат как предупреждение всем нам:

Совсем чуть-чуть - и скоро будет Пасха,
Но прежде ночь Иуды настает,
Душа его в чистилище гниет -
Предателей других мелькают маски.
Как много пальцев протянулось к серебру!
Как мне покорно выбрать только пять?
И не серебрянник, а золото в миру
В ходу у тех, кто крест готов продать.
Любая тризна нынче - пир горой,
И браво «Вспомянем!» за столами...
Есть страждущий с поникшей головой?
С ним поделюсь поминками хлебами.
Совсем чуть-чуть - и будет Пасха скоро.
Кто первый? Алчные иуды встали в ряд
И ослепленным мздой бесстыжим взором,
Торгуюсь жарко, на мой крест глядят.

Лия АВЕТИСЯН.

Майр-Одесса

В маленькой книжке Ерванда Григорьянца («Неистовый Ерванд»), выпущенной в Ереване, увы, после трагической смерти, есть такая запись: «Смысл жизни следует искать не в сочинении книг. И даже не в самой жизни. Смысл жизни - в сочинении жизни». Вот этим как раз и пытался заниматься Григорьянец. Во времена полнейшего безвременья у себя в газете (он был главным редактором газеты «Комсомольское племмя») он, можно сказать, сочинял жизнь. И в этом помогли ему Зяма Могилевский, Галя Семенова, Белла Кердман... А потом мы изредка встречались с ним в Москве, когда он работал в «Литературке».

Помню, Григорьянец меня и Юрия Михайлика пригласил в «Националь», на 10 утра, позавтракать. И рассказал старый одесский анекдот, имеющий отношение ко всему этому очерку:

«Умирает старый армянин, глава рода. Стоят внуки, правнуки. Он подзывает сына и что-то шепчет ему.

- Что он тебе сказал?

- Отец завещал: берегите евреев...

- Причем тут евреи?

- Отец сказал, когда покончат с евреями, возьмутся за нас - армян».

Этот анекдот, утверждал Григорьянец, родился до второй мировой войны, до фашистского геноцида, но армяне уже хорошо знали, что такое геноцид, - в памяти поколений живет преступление, содеянное партией младотурков. Не знаю, после какого из геноцидов перебрались в Одессу дед, отец Ерванда, человека, создавшего школу журналистов, на которой держались «Комсомольская искра», «Вечерняя Одесса». Но Леон Хачикович Калустьян, о котором как-то написал очерк Борис Деревянко «Гвардии рядовой», о котором вспомнил, когда готовил гневную отповедь тем, кто вводил в нашу речь сволочную фразу - «лицо кавказской национальности», так вот Калустьян - одессит в четвертом поколении.

И это не предел. Армян пригласил, привечал граф М. С. Воронцов. И за то, что он поддерживал евреев, армян, немцев края, все время на него шли доносы в Петербург. Но Воронцов был тверд. Вот одно из его объяснений: «Я не покровитель армян. Но ведь это народ высокой культуры, о чем свидетельствуют возведенные ими чудные храмы в Крыму. Кто может отказать армянам в том, что они честный народ? Армяне крепко любят деньги не меньше евреев. Но ведь они не скупы и на пожертвования, и не только для своей братии, но и для других народов. Они честолюбивы. Но ведь это честолюбие с добрым сердцем».

Провидцем был граф Воронцов. Украшением Одессы стала армянская церковь, возникшая на углу Екатерининской и Базарной. Увы, она разрушена в 50-е годы. Но вновь собрали армяне деньги - и уже в наши времена на Гагаринском плато возвели новый храм, украсивший аркадийские берега. И первая, созданная в конце 1840-

х годов, армянская церковь, и вторая, и нынешняя способствовали открытию армянских школ. Дети не должны забывать родной язык.

Чем же занимались армяне в Одессе? Всего не перечислишь. Но в памяти поколений остались бригады портовых рабочих-армян. Да и жили они в районе улицы Приморской. Кстати, Хачик Калустьян, отец Леона Калустьяна, - из этих портовых грузчиков, так что наименование Армянский переулок, идущий от Приморской к Арбузной гавани, к Судоремонтному заводу, лишь закрепило в топонимике Одессы труд сотен армян, способствовавших процветанию края.

И еще одна топонимическая подсказка - Таировский жилмассив. Ведь он, как и институт виноградарства и виноделия, назван в честь председателя армянского комитета Одессы, редактора журналов «Армения и война», «Вестник Армении», «Вестник виноделия» - выдающегося ученого Василия Таирова. Родившийся в Армении, в селе Памбак, он отдал весь свой талант Одессе. Думаю, мы должны гордиться тем, что живем в космополитичном, многонациональном городе. И не задумываемся, кто армянин, кто грузин, кто молдаван. И все же история требует точных знаний. Поэтому нельзя забывать, что табачная фабрика в Одессе принадлежала армянам Асвадурову и Попову. Кстати, и дом на Пушкинской, 37, где находилась «Комсомольская искра», был когда-то домом Асвадурова. Не раз я слышал, что нынешняя Отрада принадлежала Холайджоглу. И только после встречи с Калустьяном узнал, что и это армянская семья. А сколько армян училось в Новороссийском университете! Армянское землячество даже открыло на Екатерининской, 3 свою библиотеку. Затем, в годы гражданской войны, здесь работало Армянское консульство.

В годы советской власти армяне были капитанами судов, актерами театров, музыкантами, художниками, грузчиками, обувщиками...

Как и многих других, их не обошли сталинские репрессии. Взгляните на том «Одесского мариолога», и вы увидите, что буквально были черные дни - в один день расстреливали поляков, в другой - греков, в третий - армян. Но жизнелюбивый и жизнестойкий народ жил и выжил. Ректором медицинского института после войны стал Ашот Гаспарян, кафедру физической химии в ОГУ возглавлял Оганес Давтян, автодорожным техникумом руководил Мовсес Адамьян...

А кто в Одессе сегодня не знает выдающегося ученого-социолога Ирину Попову, замечательного химика Герберта Камалова, он возглавлял армянскую общину, предпринимателя Эдуарда Хачатряна, чья благотворительная деятельность нашла отражение и в украинской, и в мировой прессе.

Не зарастет тропа в армянскую церковь, освященную в ноябре 1995 года, которой Католикос Всех Армян Гарегин I дал имя Григория Просветителя, как бы указывая всей диаспоре, что наряду с торговлей, ремеслом армяне не должны выпускать из своих рук факел культуры, науки и просвещения.

Материал с сайта odesskiy.com.

МИРУ НУЖНА ЧИСТОТА, или СОРОК ЛЕТ БЕЗ ПАРУЙРА СЕВАКА

17 июня исполнился сорок один год со дня трагической гибели Паруйра Севака, до сих пор покрытой флером таинственности. Он был – воспользуясь его же поэтическим образом – одиноким деревом-громоотводом. Камертоном, мерилом нравственного здоровья нашего общества, той планкой самооценки и чистоты человеческих отношений, к которой мы тщательно тянулись тогда и о которой продолжаем безнадежно мечтать сегодня.

Есть афоризм, пришедший к нам из средневековья: «Люди, ненавидящие правду, ненавидят и тех, кто говорит правду». Боже, как сильно должна была ненавидеть и страшиться Паруйра Севака монополю правившая страной партократия, чтобы даже бездыханное тело его сослать для захоронения подальше от столицы. Ведь все те досужие разговоры о том, что так распорядился сам Севак, никого не убеждают.

Что же такого крамольного и опасного нашли главлитовские цензоры-идеологи в книге Паруйра Севака «Да будет свет!» Почему она была снята с производства в самый последний момент? Почему при посмертном издании, когда поэт уже не представлял опасности и не мог подрывать устоев государства, она была искорежена цензурными ножницами? Да и к первому сборнику поэта – «Человек на ладони» – бдительные партаппаратчики отнеслись более чем настороженно. А ведь ни во втором, ни тем более в первом сборнике поэта не было никакого инакомыслия, антисоциального бунта. В любом выступлении, скажем, Аркадия Райкина было больше целенаправленной и убийственной критики, чем во всем сборнике Севака. Не говоря уже о том, что под спудом оказалась книга живого классика, доктора филологии, депутата Верховного Совета республики, лауреата Государственной премии, автора поэмы «Неумоляющая колокольня», которая к тому времени уже стала настольной книгой каждого армянина. Ведь, по логике вещей, он должен был оказаться не по зубам пусть даже всемогущему по тем временам КГБ и его полномочному и полноправному заместителю и исполнительному органу в сфере литературы – главлиту.

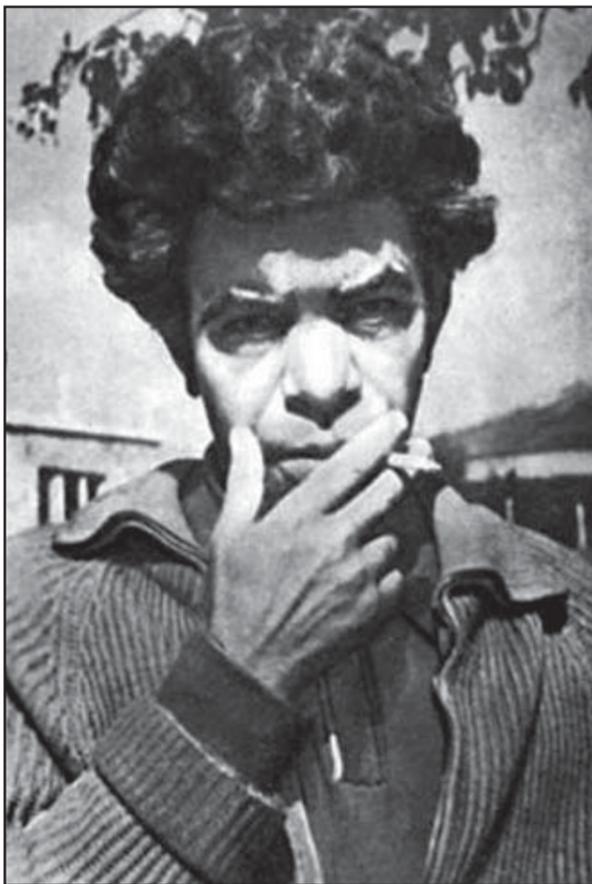
Вспомним Пастернака: «Оставлена вакансия поэта: она опасна, если не пуста». И все-таки почему ждановско-сусловская административная система так ненавидела ершисых, неуправляемых, непредсказуемых талантов-одиночек, не делавших, в сущности, ничего антигосударственного, которые просто-напросто отстаивали свое право говорить правду, иметь свои суждения и взгляды и быть услышанными своим народом?

За то, что не может
Гигант подчиниться
Закону пигмеев,
Ничтожеству их.
За то, что не могут,
Не в силах пигмеи
Гиганта
В свою тесноту заточить.
Отдельное дерево,
Что оно значит –
Никак недогадливый лес не поймет.

А дуб на холме –
Громоотвод.

Перевод Олега Чухонцева

С уходом Паруйра Севака из жизни мы внезапно ощутили, что мы тот самый лес, оказавшийся беззащитным перед молнией, потому что уже нет того одинокого дуба-громоотвода. В мире сразу стало меньше добра и света. И еще мы ощутили, что живем не в большом и самоочищающемся океане, а в небольшом аквариуме, в котором давно уже



пора менять воду.

О чем, в сущности, говорил Паруйр Севак в стихотворениях зрелого периода, в сборниках «Человек на ладони» и «Да будет свет»? В его представлении Поэт является «секретарем Бога» и в этом своем качестве доводит до сознания людей все те же очень простые и понятные библейские, новозаветные истины: нельзя убивать, обманывать и красть, нужно быть достойным своего звания и назначения. Он говорил о том, что современный ему человек исключительно прост, руководствуется всего лишь пятью органами чувств... Но вместе с тем очень сложен, его возможности безграничны, неисчерпаемы и не исследованы до конца. Спустя два столетия после державинского «Я кофий пью, табак курю», грянувшего как гром в общем хоре ходульных, выпренных и слащавых виршей его современников, Паруйр Севак написал большой цикл программных, нарочито заземленных стихотворений, в которых он говорит о сложной гамме чувств своего лирического героя и современника, о своих будничных, вполне человеческих желаниях и намерениях, сделав их названиями произведений («Хочу», «Завидую», «Мечтаю», «Сожалею», «Воспеваю», «Дарю», «Ненавижу», «Как содрогаюсь я...», «Восхищаюсь», «Обещаю», «Схожу с ума», «Верую», «Сомневаюсь-утверждаю»).

В литературной критике нередко встречается утверждение, что поэзия П. Севака сложна для восприятия. С этим можно согласиться только с большими оговорками. Напротив, его поэзия на редкость прозрачна и проста, понятна – уже хотя бы в силу своей человечности. Она также на ладони, как и лирический герой его стихотворений. Другое дело,

что на общем фоне откровенно прямолинейной, рифмованной публицистики «джамбулов атомных времен» 50-х – 60-х гг. минувшего столетия подчеркнута урбанистические, насыщенные свежими поэтическими образами, метафорами, ассоциациями, проявлениями нестандартного мышления и философского мировосприятия, парадоксами, обостренным чувством неприятия фальши, стихи армянского поэта воспринимались как прорыв. Новым словом в армянской поэзии можно считать и севаковский разностопный белый стих, который даже специалисты-литературоведы зачастую путают со свободным стихом, верлибром. Севак не писал верлибром, но он подготовил благодатную почву для появления и восприятия армянского верлибра, стал его предтечей, расчистив место для новых поколений поэтов.

Критики особенно любят обращаться к программному двустишию Севака: «Узор словесный мне претит. Устал я наконец. Пускай искусен ювелир, искуснее кузнец», усматривая в нем признание поэта в доминанте мысли над формой. Это очень примитивный, упрощенный подход к вопросу. «Кузнецов» в поэзии всегда хватало, и особенно в годы «оттепели» и «застоя». Севак не мог не понимать этого, перспектива стать еще одним «поэтическим кузнецом» никак не могла его удовлетворить. На самом же деле «кузнец» и «ювелир» никогда не боролись в поэзии Севака, нет, они всегда мирно и счастливо сосуществовали, дополняя друг друга. Любая опорная, мысль в стихах Севака обрамляется в ювелирно, филигранно отшлифованную отточенную форму. Поэт не был равнодушен к словесному изыску, к аллитерациям, к жонглированию словами и звуками, другое дело, что это мастерство и артистизм в обращении со словом и языком никогда не становились для него самоцелью, не душили смысла, не отталкивали мысль на второй план.

Севак никогда не ловчил, не юлил, не подыскивал эвфемизмом для выражения своих мыслей и чувств, не обходил острых углов. Ему был органически чужд конформизм в любой форме его проявления. В далеком 1956 году, когда еще не утихли раскаты погрома, учиненного в литературе и искусстве, когда возбранялось говорить и рассуждать о личных переживаниях, в которых видели «проявление пораженческих настроений», а любовная лирика на самом высоком, официальном уровне выдавалась за «интеллигентское слюнтяйство», Севак во всеуслышание заявил о праве человека на «запоздалую любовь», на личное, пусть трудное и выстраданное, но все-таки счастье. Это было вызовом общественным устоям и традициям, вызвало бурную полемику, которая выплеснулась со страниц «Нового мира» и приобрела характер поистине всесоюзного обсуждения.

Миру нужна чистота новорожденного ребенка, утверждал поэт. И сегодня мы намного глубже и как-то особенно болезненно ощущаем это, ощущаем фатальный, катастрофический недостаток этой чистоты.

Как любой действительно большой поэт, Паруйр Севак соединял прошлое с настоящим и будущим, мыслил общенациональными категориями. И напоминал нам, как заповедь, слова другого большого национального поэта-пророка, что грядет всепоглощающая бездуховность, что нам предстоит воочию увидеть – да что там увидеть, – стать участниками, действующими персонажами «пира во время чумы». Не об этом ли предупреждал, пророчествовал Андрей Вознесенский, говоря о «голодухе в области духа»?

Мы должны помнить – и не от юбилея к юбилею, а всегда – о доминанте истинных ценностей над мнимыми, о своей сопричастности к культурному и экологическому наследию, оставленному предыдущими поколениями мастеров и создателей. Мы должны помнить, что миру нужна чистота...

Гурген КАРАПЕТАН.

ОВАНЕС ТУМАНЯН (1869-1923)

ШАХ И РАЗНОСЧИК

«Эй, кто не брал?
Бисер, коралл!
Кольцо, браслет,
Любой предмет!
Куря́т неси,
Меняй, проси!
Все для девиц,
Для молодежи!
За грош товар,
Хорош товар!»
Разносчик кричит, подзывает народ, -
Таких постоянно встречаешь у нас.
Но этот?.. - змеей по базару ползет
Торговцем одетый властитель Аббас.
«Иголки, нитки! Эй, кому?
Сюда! Недорого возьму!»
«Браток разносчик! а браток!
Иголки есть? Продай пучок».
И подошел, ускорив шаг,
К армянке-выселенке шах:
«Острее жал. Каков закал!

Пучок - за хлеб».
«Ой, обобрал!...»
«Не спорь, сестрица, о грошах,
Коли тебе твой дорог шах!»
«Да будь он проклят во все дни!
Господь от шаха нас храни!
Живи, разносчик, много лет,
Но шаха поминать не след...»
«И зла же у людей в сердцах!
Что вам дурного сделал шах?
Отвел он турка меч лихой,
Вас вывел из Джульфы сухой,
В богатый край переселил,
Заботой всякой окружил...»
«Закрой чарчи свой грешный рот,
О шахе толки прекрати!
Нагрнул он, угнал народ, -
Хоть ногу бы сломал в пути!
По нашим нивам и садам
Прошел, как паводок весной.
Не внял Христу, не внял и нам, -

Всех снял, всех вывел в край чужой.
Замкнули мы дома, дворы.
Ключи забросили в Араз.
Вот обернулись с полгоры
На край родной в последний раз,
Молились: «Богоматерь-свет,
Ты наши кровы соблюди
И, где б наш ни терялся след,
Назад из плена приведи!» -
Так мы молились, а потом,
Вновь оглянувшись, побрели
И под мечом да под кнутом
Толпой к Аразу подошли.
Что море, пенится Араз,
Волну выплескивает вон.
«Вброд!» - раздается вдруг приказ.
Самим Аббасом отдан он.
Там, сзади, меч, тут - бездна вод.
Рыдания, вопли... Страшный час...
Стар, млад - все мечутся... И вот,
Обнявшись, кинулись в Араз.
Такую страсть переживать
Не пожелаешь и врагам...
Да не доносятся, видать,
Проклятья наши к небесам...»
И вот изгнанниками вмиг
Аббас смущенный окружен.

Мятежный нарастает крик:
«Будь проклят шах и шахов трон!»
Аббас косится, страшен взгляд,
Угроза прячется в глазах,
Колени у него дрожат -
И мрачно спрашивает шах:
«Вы так ли речь вели о нем?
У всех, бывало, на устах:
Мы в счастье, мол, теперь живем,
Благословен Иран и шах!»
«Мы лгали, братец! Ты ведь свой,
Чего нам от тебя таить?
А шах - он хищник, зверь лесной, -
Как сердце перед ним раскрыть?
Доколе шах и пленник есть,
Хозяин и наемник есть,
Не могут на земле процветать
Ни счастье, ни любовь, ни честь».
Взвыл страшный разносчик, отбросил покров, -
Встал шах перед пленными, грозно суров.
Сверкнул ятаган у владыки в руках,
И старец-изгнанник простерся во прах.
Доколе шах и пленник есть,
Хозяин и наемник есть,
Не могут на земле процветать
Ни счастье, ни любовь, ни честь.

Пер. С. Шервинский.

Вольные каменщики осваивают Армению

Как стало известно, в первых числах июля в столичной гостинице «Armenia Marriott» состоится ежегодный Всемирный форум армянских масонов. Какие цели преследует и какую проблему собирается решить форум на самом деле – неясно. Тем не менее, поскольку в связи с деятельностью в нашей стране масонов у нас накопилась определенная информация, то стоило бы поделиться с читателем.

Масоны, кто они?

Так кто же такие, эти масоны? Откуда они взялись и к чему стремятся? Ответим на вопрос со ссылкой на источники «братства» вкратце. Масонство (франко-масонство, фр. Franc-maçonnerie, англ. Freemasonry) – это братство, которое берет свое начало из малоизвестных истоков в конце XVI - начала XVII века, предположительно – цехов каменщиков. Масонское братство – этическое движение, возникшее в XVIII веке в виде закрытой организации. Этика и философия масонства опираются на монотеистические религии. Название масон или франкмасон происходит от фр. franc-maçon (в старофранцузском masson, англ. freemason), употребляется также буквальный перевод этого названия – вольный каменщик.

К масонскому братству принадлежали Моцарт, Лист, Гайдн, Бетховен, Гете, Тагор, Рузвельт и целый ряд других американских президентов. Масоном был Уинстон Черчилль, английский король Эдуард VII до вступления на престол состоял в братстве. Масонами были такие известные люди, как Джон Джейкоб Астор и Генри Форд, авиатор Чарльз Линденберг, совершивший первый одиночный перелет через Атлантику, полярные исследователи Роберт Пири, Мэтью Хенсон, адмирал Ричард Берд и т. д.

Ну и, наконец, масонство имеет две ветви. Разделение масонства произошло в 1877 году, когда французы решили, что могут быть масонами, при этом не веря в Бога. Англичане восприняли это как бунт. С тех пор ветви стали развиваться отдельно (франко-масонство и англосаксонское масонство). Англосаксонское масонство носит скрытый, эзотерический характер, франко-масонство же более открыто. Добавим, что сегодня в мире насчитывается около 2-3 миллионов англосаксонских масонов и приблизительно 500 тысяч франко-масонов.

Что касается «темной» стороны деятельности масонов, то об этом чуть позже.

Grand Lodge of Armenia

Масонская ложа, существующая в Армении в настоящее время, называется Великой ложей Армении (Grand Lodge of Armenia). По имеющимся нашим сведениям, Великая ложа Армении была создана в 2002г. в Ереване, ее соучредителями выступили Великая ложа столичного округа Колумбия, Великая национальная ложа Франции и Великая ложа России.

Первым великим мастером (магистром) ВЛА был Кристофер Саакян, который занимал этот пост в 2002-2008 гг. В 2008 г. Верховным советом южной юрисдикции ДПШУ (Древний и Принятый Шотландский Устав) был создан Верховный совет Армении. Кристофер Саакян возглавил этот совет и стал великим командором. Как предписывает масонская традиция, в тот год он покинул пост великого мастера, и великим мастером на 2008-2010гг. избрался крупный адвокат из Лос-Анджелеса Армен Джанян. 3 июня 2010 г. великим мастером Великой ложи Армении стал Армен Гарабедян (Armen Garabedian).

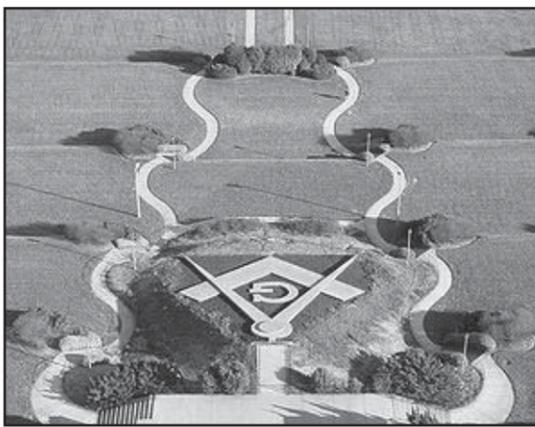
Масонские работы в Армении состоят традиционно из двух больших конвентов в ноябре и июне, когда проводятся посвящения, официальные мероприятия, собрания всех лож, регулярных собраний в Ереване. В настоящий момент под юрисдикцией Великой ложи Армении работают следующие ложи: Масис № 1, Франс-Армени № 2, Сер № 3, Джордж Вашингтон № 4, Арарат № 5, Ереван № 6, Hagigadar № 7.

Добавим, что над созданием в Армении масонской ложи интенсивно поработала Великая ложа Франции, ориентирующаяся на англосаксонские традиции.

Grand Orient De France в Армении

В настоящее время в Армении насчитывается 15-20 членов франко-масонской ложи Grand Orient De France. Об этом в прошлом году в Ереване, заявил великий мастер этой ложи Ги Арсизе (Guy Arcizet). Он подчеркнул, что в отличие от Армении, франко-масоны Франции не стараются скрыть свою личность и в основном занимаются социально направленной деятельностью. По его словам, франко-масоны Армении не хотят рассекречивать свои личности, поскольку они пока не успели сформировать ложу в республике, и его визит нацелен именно на то, чтобы содействовать армянским братьям в этом вопросе. По словам Арсизе, его визиту были особенно рады франко-масоны из армянской диаспоры, которые заинтересованы в создании ложи в Армении. Однако, по его словам, это займет от 10 до 50 лет. В целом процесс начался 10 лет назад. После того, как будет создана ложа, армянские франко-масоны будут действовать более публично, заверил Арсизе.

Я посетил Армению, чтобы понять, чем могут народы Европы помочь этой духовно развитой древней стране, находящейся в сложных геополитических условиях», - отметил великий мастер.



«Франко-масоны занимаются социальными проблемами, такими, как аборт, защита права женщин и пр., а в политические вопросы мы стараемся не вмешиваться», - отметил Арсизе, добавив, что в случае соответствующих пожеланий со стороны политиков ложа также «не против этого». Однако говорить о сотрудничестве между политическими силами или политическими деятелями Армении и франко-масонской ложей, преждевременно.

По его словам, на данный момент подобного сотрудничества не существует. На вопрос, есть ли желание у политических сил Армении или отдельных политических деятелей вступить в диалог с франко-масонской ложей, великий мастер отметил: «Перед прибытием в Армению я отправил письмо главе государства, и тут я встретился с заместителем министра иностранных дел, а также другими политическими деятелями. Могу сказать, что в Армении не существует ведомственных препятствий или запретов в вопросе развития франко-масонства в стране. Действующее правительство относится к нам благосклонно, однако это не означает, что среди них есть франко-масоны или последователи нашей идеологии».

Обращаясь к вопросу, существуют ли в Армении политические деятели, которые являются масонами, и возможно ли раскрыть их имена, великий мастер отметил: «Нет, я не могу назвать имен, поскольку это личная свобода. Я считаю важным, чтобы франко-масоны могли беречь эту свободу и самим решать, раскрываться или нет». Однако на вопрос, не означает ли его ответ, что подобные лица существуют, Арсизе, улыбнувшись, сказал: «Очень вероятно».

Добавим, что хотя и великий мастер отрицал сотрудничество масонов с политическими силами Армении, однако политики неоднократно прозрачно намекают на тесное сотрудничество масонов с оппозицией.

Развал СССР и масоны

Хотя и масоны заявляют о своей лояльности к властям тех стран и территорий, где масонство существует, а также своих благих намерениях, однако здесь не все так однозначно. Так, Олег Платонов (российский историк, экономист, публицист и общественный деятель) в своей книге «Россия под властью масонов» обвиняет масонов в развале СССР. В частности, он утверждает, что «сегодняшние формы деятельности этого преступного сообщества сильно отличаются от традиционных представлений о нем».

«Масонство превращается в тайный политический профсоюз, своего рода интернационал, объединяющий в своих рядах нечистоплотных политиков, финансовых аферистов, проходивцев всех мастей, ставящих превыше всего наживу и беспредельную власть над людьми. Во главе этого тайного интернационала стоят иудейские вожди. Подобно КПСС в СССР, масонство на Западе является хребтом политической системы. Все важнейшие политические решения подготавливаются и принимаются в тиши закрытых организаций. На «демократических выборах» публике разрешается выбрать из нескольких кандидатов, представленных масонской закулисой. Именно этим кандидатам обеспечивается информационная поддержка телевидения и газет, которые практически все контролируются той же закулисой. Народ в этой политической системе является просто статистом в руках политической интриги», - пишет Платонов.

Кроме того, Платонов считает важным отметить для понимания современной масонской власти то, что иудейско-масонские структуры сегодня не являются монолитом, а состоят из целого ряда кланов, враждующих между собой за власть и деньги. Что мы, кстати, наблюдаем и в Армении.

Добавим, что согласно Платонову первым шагом мировой масонской закулисы к воссозданию на территории СССР масонской сети стала операция, связанная с поиском лиц, которые могли стать агентами влияния. Причем программа деятельности агентов влияния в СССР была разработана лично масоном А. Даллесом, будущим директором ЦРУ, который на одном из секретных заседаний этого совета в начале 1945 г. в присутствии руководителей американского масонства вице-президента США Г. Трумэна, министра финансов Г. Моргантау и Б. Баруха, заявил следующее: «Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим ху-

дожников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино — все будут изображать, и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать, и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, диссидентства, словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство, наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, диссидентство, национализм и противостояние народов — все это мы будем насаждать ловко и незаметно...

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них агентов нашего влияния, космополитов свободного мира. Вот так мы это и сделаем».

Как видим, данная программа была выполнена блестяще.

«Ротари-клуб» и масоны

Важно отметить, что большая часть «масонской работы» осуществляется уже в различных закрытых организациях масонского типа (белое масонство), например, клубах «Ротари», где не используются традиционные ритуалы вольных каменщиков, но принимаются масонские принципы жизни и возглавляют их, как правило, настоящие масоны. Деятели «белого масонства» считают себя «избранным народом» (элитой), который обладает особыми правами господствовать над другими людьми. На самом деле, скажем, по мнению бывшего сотрудника ЦРУ Р. (Rotary Basic Library. Vol. 1. Evanston. 1993), объединяя в своих рядах специалистов, руководителей предприятий, государственных и общественных учреждений, «Ротари» являются идеальным местом для сбора разведывательной информации, так как действуют в среде людей, владеющих ею. Р. располагает многочисленными примерами, когда через клубы «Ротари», действующие в 156 странах мира и объединяющие 1,2 млн человек, американская разведка получала необходимую ей информацию.

«Ротари-клуб» в Армении

В Армении ротарианское движение началось в 1990 г., а официально клуб признан международной организацией 8 марта 2010 г. По нашим сведениям, членами армянского клуба являются 20 успешных предпринимателя, которые причисляют себя к прослойке высокообразованной интеллигенции. Отметим, что при закрытом голосовании каждые два года избираются два президента: первый заменяет своего предшественника, а второй готовится к правлению в следующем году. Члены клуба встречаются каждую неделю и обсуждают дальнейшие планы. Добавим, что существует также молодежный клуб «Ротариат», который занимается тем же, чем и взрослые ротарианцы. Членами клуба в основном являются детишками членов «взрослого» «Ротари».

Что касается их связи с масонами, то ротарианцы не отрицают, что среди членов клуба есть и масоны, но руководство клуба не знает об этом, ведь масоны действуют тайно: «У нас совсем другая сущность, другая психология, мы – благотворительная общественная организация и занимаемся только благотворительной деятельностью».

Кстати, экс-председатель корпорации «Metal Prince LTD», генеральный директор Ахталинского горнообогатительного комбината Сероб (Горион) Тер-Погосян, который был обвинен в педофилии, в 1999-2000 гг. являлся председателем ереванского клуба «Ротари».

Говорят, что после разразившегося скандала Тер-Погосян в спешном порядке был исключен из клуба «интеллигентных», однако глава клуба Армен Степанян в дальнейшем отрицал это, заверив, что Сероба не исключали из клуба, типа он сам ушел три года назад по причине занятости. По словам Армена Степаняна, «подобные личности, если говорить в негативном плане, могут оказаться в любом месте, поэтому не имеет значения, что он был членом клуба «Ротари».

Тем не менее, отметим, что далеко не каждый может стать членом клуба «Ротари».

Более того, действует особый порядок вступления в этот клуб, и прежде чем принять кого-то в свои ряды, члены клуба тщательно его изучают, собирают о нем подробную информацию... Видимо, либо информации о г-не Серобе они не имели, либо...

Вместо постскриптума

Чем вызвана активизация тамплиеров, мормонов, а теперь вот и масонов? Ответить однозначно сложно, но определенные выводы можно сделать. Надеемся, что аналогичные выводы будут сделаны и определенными структурами (если, конечно, этими самыми структурами уже масоны не рулят).

Анна БЕГЛЯРН

Ежедневная электронная газета «Национальная Идея».


ФОРАБАНК

Генеральная лицензия ЦБ РФ №1885

www.forabank.ru
Выигрываем вместе!

БАНКОВСКИЕ ВКЛАДЫ



Стремление удовлетворить самым разным потребностям клиентов в выборе депозитного продукта – приоритетная задача АКБ «ФОРА-БАНК» (ЗАО). Предлагаем одни из самых востребованных вкладов на сегодняшний день – депозиты «ФОРА-МАКСИМАЛЬНЫЙ», «ФОРА-ПЕНСИОННЫЙ», «ФОРА-КАПИТАЛ-ЛЮКС».

«ФОРА – МАКСИМАЛЬНЫЙ»



УСЛОВИЯ БАНКОВСКОГО ВКЛАДА: Вклад открывается в рублях РФ • Минимальная сумма вклада – 5000 рублей • Срок вклада: 750 дней • Проценты на сумму вклада начисляются каждые 365 дней и присоединяются к остатку вклада (капитализируются) • Дополнительные взносы в течение всего срока договора не предусмотрены • Частичное снятие со вклада не предусмотрено • Выплата процентов при досрочном расторжении Договора осуществляется по ставке вклада «до востребования», действующей в Банке на момент расторжения, за срок: со дня, следующего за днем последней капитализации (причисления) процентов ко вкладу, до дня окончательного возврата денежных средств включительно. Ранее причисленные к сумме вклада проценты Банком не взимаются • Если Вкладчик не истребует сумму вклада после истечения срока вклада, в конце банковского дня Вкладчику открывается вклад до востребования и договор считается продленным на условиях вклада до востребования. Суммой вклада до востребования считается общая сумма средств, находящихся на счете вклада на момент закрытия.

«ФОРА – ПЕНСИОННЫЙ»



УСЛОВИЯ БАНКОВСКОГО ВКЛАДА: • Вклад открывается в рублях • Минимальная сумма вклада – 5 000 рублей • Срок вклада: 750 дней • Заключение договора осуществляется при предъявлении пенсионного удостоверения • Начисленные по вкладу проценты присоединяются ежемесячно к сумме вклада, увеличивая ее (капитализируются) • Вклад предусматривает дополнительные взносы в течение всего срока договора, за исключением последних 31 дней размещения вклада • Вкладчик имеет право востребовать всю сумму присоединенных ко вкладу процентов либо ее часть в течение всего срока действия Договора в наличной форме через кассу Банка или в безналичном порядке путем перечисления на счет Вкладчика, открытый в Филиале АКБ «ФОРА-БАНК» (ЗАО) в г. Калуга • Выплата процентов при досрочном расторжении договора осуществляется по ставке вклада «до востребования», действующей в Банке на момент расторжения, за срок: со дня, следующего за днем последней капитализации (причисления) процентов ко вкладу, до дня окончательного возврата денежных средств включительно. Ранее причисленные к сумме вклада или выплаченные проценты Банком не взимаются • Если Вкладчик не истребует сумму вклада после истечения срока вклада, в конце банковского дня Вкладчику открывается вклад до востребования и договор считается продленным на условиях вклада до востребования. Суммой вклада до востребования считается общая сумма средств, находящихся на счете вклада на момент закрытия. Процентная ставка устанавливается в размере, действующем в Банке по вкладам «до востребования».

«ФОРА – КАПИТАЛЛ – ЛЮКС»



УСЛОВИЯ ВКЛАДА: • Вклад открывается в рублях РФ • Минимальная сумма вклада – 5 000 рублей • Срок вклада: 750 дней • Проценты на сумму вклада начисляются ежеквартально, отчет квартала ведется с момента внесения денежных средств на вклад. Проценты ежеквартально присоединяются к остатку вклада (капитализируются) • Дополнительные взносы в течение всего срока договора без ограничения • Начисление процентов по дополнительным взносам осуществляется по действующей процентной ставке • Снятие денежных средств – частичное и полное без ограничения и без изменения процентной ставки возможно, если вклад пролежал свыше 3 месяцев с момента внесения вклада • Востребование части вклада, с момента, открытия которого прошло менее трех месяцев, влечет за собой расторжение договора и начисление процентов по ставке вклада «до востребования» • Если Вкладчик не истребует сумму вклада после истечения срока вклада, в конце банковского дня Вкладчику открывается вклад до востребования и договор считается продленным на условиях вклада до востребования. Суммой вклада до востребования считается общая сумма средств, находящихся на счете вклада на момент закрытия.

Если Вкладчик не истребует сумму вклада после истечения срока вклада, в конце банковского дня Вкладчику открывается вклад до востребования и договор считается продленным на условиях вклада до востребования. Суммой вклада до востребования считается общая сумма средств, находящихся на счете вклада на момент закрытия.

Все вклады, открытые в АКБ «ФОРА-БАНК» (ЗАО), застрахованы в государственной Системе страхования вкладов.



АКБ «ФОРА-БАНК» (ЗАО), Филиал АКБ «ФОРА-БАНК» (ЗАО) в г. Калуга

Генеральная лицензия ЦБ РФ на осуществление банковской деятельности № 1885 от 19.01.2005 г.

г. Калуга, ул. Воронина, 4, (4842) 762-555

г. Калуга, ул. Кирова, 63, (4842) 591-051

г. Калуга, ул. Кирова, 19, (4842) 900-817

Письмо в редакцию

Я вернулся в Калугу после непростой операции на внутренней сонной артерии в НИЦ ССХ им. Бакулева. Больше всего меня поразило тот факт, что Бакулевка и Минздрав Калужской области за какие-то 1,5 суток разрешили вопрос с выделением квоты. Причём, решили вопрос сами без нудного хождения пациента по кабинетам. Могут ведь, когда больного припрёт! Ещё раз убедился, что Минздрав впереди всех остальных министерств России по внедрению электронного документооборота. И это совсем не какое-то, отвлечённое достижение. Ведь судьба больных зачастую зависит всего от нескольких часов на решение вопросов с госпитализацией. В одной палате рядом со мной лежал инфарктник из Московской области. Так его вообще привезла на ночь глядя «Скорая помощь»! И в течение всего одного часа после поступления, его глубоко обследовали, то есть провели коронарографию и сразу же сделали операцию - вставили стент в забитую сердечную артерию!

А уж документы и квоту оформили с утра следующего дня. Вот это образец должного отношения к больному и документообороту!

Понимание, что здоровье больного абсолютно первично, а документы и квоты - далеко вторичны. И если бы «Скорая помощь» его подмосковного городка привезла его на 2 часа пораньше, он вообще выписался бы из Бакулевки без постинфарктных изменений на сердце.

Выписки НИЦ ССХ им. Бакулева заслуживают отдельного разговора. Они настолько детальные и проработаны (4-5 стр. мелкого компьютерного текста), что больной может уверенно следовать им всю оставшуюся жизнь. Если конечно, не подцепит какую-то совершенно новую и серьёзную болезнь. Но даже и в этом случае, к старым рекомендациям Бакулевки потребуется добавить только две-три новые строки. Какой великолепный урок и пример для их коллег из регионов, а то привыкли писать выписки на полстранички крупным шрифтом. Потом трудно найти следы проведённых в больницах анализов и обследований. И, практически, невозможно сопоставить их результаты со свежими анализами и обследованиями больного.



Дворец медицины. Высокая культура чувствуется даже в ландшафтной архитектуре их совсем не маленькой территории.

Прямо, как в Ницце, где ухожен каждый квадратный дециметр города.

Молодцы мои коллеги-строители из ихнего отдела капитального строительства.

Писатель Салават АСФАТУЛЛИН.

газета «Доброе утро!» Приложение к журналу «Горцарар»

Регистрационный номер ПИ № 77-5015

Издатель: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

«ШАГАНЭ»

Лицензия серия ИД № 02313

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
ПЕРИОДИЧНОСТЬ ВЫХОДА - ЕЖЕМЕСЯЧНО

Отпечатано ГУП «Облиздат». Калуга, пл. Старый Торг, 5.

Формат А3, объем 4 п. л., тираж 999 экз. Зак. № 1791

Номер набран и сверстан в редакции журнала «Горцарар».



Адрес ИД «ШАГАНЭ» и редакции:

248001, Россия, г. Калуга,

ул. Суворова, 160. Тел.: (8-4842) 56-59-29.

E-mail: gortsarar@list.ru www.gortsarar.ru

Автор проекта и главный редактор — В. В. БЕКЧЯН.

ДОБРОЕ УТРО! ФИНАНСЫ, №7-8(80-81) Зак. № 1792

Последний «Крик» Леона Черного

Покупателем картины Эдварда Мунка «Крик», установленной в мае 2012 года рекорд цены на аукционе, оказался бизнесмен, известный коллекционер из Нью-Йорка Леон Блэк.

«Крик» норвежского экспрессиониста был продан на Sotheby's за \$119,9 млн., став самым дорогим произведением искусства, ушедшим на публичных торгах. Торг длился 12 минут, за это время децибелы «Крика» поднялись \$40 млн. в три раза. Имя нового владельца одного из четырех вариантов «Крика», написанных Мунком, и единственного, не находящегося в норвежских музеях, — традиционно не разглашалось. Леон Блэк хорошо известен в мире коллекционеров искусства. В 2009 году именно он приобрел на аукционе Christie's рисунок Рафаэля «Голова музы», заплатив за него \$47,9 млн. Для того времени это стало рекордом цены на рисунки. Наверняка у Блэка куры денег не клюют, а несут золотые яйца.



«Доброе утро!» уполномочено заявить

У нас есть своё мнение по любому вопросу. Однако это не мешает другим иметь собственную точку зрения и публиковать её в газете «Доброе утро!»